

Николай Шмигалёв

ПОЧТИ КАК ТРИ БОГАТЫРЯ

Требуются

Требуются

Требуются

Требуются

Николай Шмигалёв

Почти как три богатыря

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2011

Шмигалёв Н. Н.

Почти как три богатыря / Н. Н. Шмигалёв — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2011

ISBN 978-1-4660-0748-2

Повесть в жанре юмористического фэнтези о приключениях новых русских чудо-богатырей – Ивана Царевича, Якова Сероволка и Василевса Премудрого. Героев ждут неожиданные и суровые испытания на суше и на море, под землёй и в воздухе, в знойной пустыне и среди вечных снегов. Они разрушат коварные планы врагов, а также снимут порчу, сглаз и другие чары чёрной магии. И что характерно, все это практически на добровольных началах.

ISBN 978-1-4660-0748-2

© Шмигалёв Н. Н., 2011

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2011

Содержание

Вместо предисловия	5
1-я часть: Про то, как «заваривалась каша»	7
2-я часть: Про то, как «расхлёбывалась каша»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Николай Шмигалёв

Почти как три богатыря

*Коли перевелись в родном отечестве богатыри, их следует...
назначить*

Вместо предисловия

Если вам посчастливилось столкнуться с этой, откровенно говоря, повестью разновременных лет, то, перед тем как вы начнёте с упоением её читать, давайте-ка «не отходя от кассы» сразу расставим все точки над «Ё». Под этими пресловутыми «точками» я подразумеваю следующее: лучше здесь и сейчас определитесь (чтобы потом не было мучительно больно за нецелевую растрату вашего драгоценного времени), чего вы хотите получить от прочтения. Может быть, вам, действительно, лучше не рисковать и почитать что-нибудь иное. К примеру, если вы целенаправленно изъявили желание пощекотать свои и так расшатанные нервы – лучше почитайте жёлтую прессу с всякими шокирующими «сенсациями»; если есть необходимость в том, чтобы гарантированно стошнило (допустим, по каким-либо медицинским показаниям или после молодецкой забавы) – вдумчиво (и это обязательное условие) полистайте пухленький гламурный «глянец»; нестерпимо потянуло к вечному – достаньте с пыльных антресолей фундаментальный труд классика, («Войну и мир», например, вечно её никто не дочитывает до конца); неожиданно для себя соскучились по прекрасному – откройте поэтический томик с вдохновенной лирикой; просто надо убить приличный отрезок времени – кроссворд (как вариант: сканворд, чайнворд или sudoku), лучший помощник в этом небезопасном деле. А если вам и так тошно, ни к чему не тянет, нет никакого желания, вы ни по чему не скучаете, и чувствуете, что время само, медленно, но верно убивает вас, значит вы по адресу, значит пришла пора дать достойный ответ вашей нешуточной депрессии.

Нет депрессии? Не огорчайтесь! Эта повесть показана при любом душевном состоянии.

Жизнь прекрасна, с этим согласны все и даже те, кто считает, что жизнь всего-навсего чудесна, но в ней, непонятно откуда, всегда столько всякого негатива, столько, что даже закалённые чужими неурядицами семейные психологи порой, без видимых причин, внезапно «съезжают с катушек». А вот именно для того чтобы успешно противостоять многочисленным нынешним переживаниям и стрессам, неплохо было бы взглянуть на нашу серую обыденность под иным ракурсом и, параллельно, прошвырнуться по «местам боевой славы», то бишь хоть на несколько минут окунуться в тот мир, когда «деревья были большими», каждый день был полон удивительных открытий, а перед сном, после кружки парного (стакана пастеризованного, бокала стерилизованного) молока, мы отправлялись в путешествия по безграничным сказочным королевствам. Здесь, кто ещё не уловил тонкого намёка, имеется в виду наше безоблачное детство – время, когда герои сказок частенько оживали в наших, ещё далеко не эротических, и, зачастую, не радужных снах, помогая справляться нам с самыми скверными монстрами наших сновидений. Правда, в этой истории, где, кстати, каждое королевство и герцогство уже имеет не только свои юридически оформленные границы, но и стойких бравых пограничников, герои, как и мы, «повзрослели», стали немного циничными, деловыми, но где-то глубоко-глубоко в душе остались теми же бесшабашными наивными детьми.

Не спорю, может быть, эта тёмная история покажется кому-нибудь чересчур «сказочной», если не сказать большего, но не забывайте, что давным-давно один очень старый и, не смотря ни на что, мудрый человек, однажды совершенно точно подметил, приблизительно, следующее: сказка – она того, истинная ложь, основанная на сюрреальных событиях, и в ней,

ко всему прочему, завсегда кроется некий ненавязчивый урок – всем, без исключения, добрым молодцам «шпаргалка», всем красным девицам, если не ошибаюсь, благопристойный намёк или что-то в этом духе.

Да, и давайте сразу договоримся: в процессе чтения не будем искать никаких ассоциаций, намёков и полунамёков, параллелей, совпадений, скрытого смысла, двояких толкований, схожести имён и событий, над- и подтекста, двусмысленностей и т. д. и т. п. Не надо, не ищите. Они сами найдут вас. Поэтому рекомендую по возможности отключить аналитическую составляющую мозга (я имею в виду его левое, нет правое, секундочку, гляну в медсправочнике... а нет, всё правильно, левое полушарие), а с ним и все имеющиеся чувства, кроме чувства юмора, а вместо этого выставить на максимум чакры, отвечающие за ваше дикое воображение.

А вообще, между нами говоря, если безжалостно вырвать с корнем, суффиксом и приставкой из этого неоклассического произведения всякую аллегорическую выдумку, перефраз, откровенное вранье, сомнительные исторические события, тщательно закамуфлированный плагиат, колющий сарказм, грустную иронию и чёрный юмор, то в нём практически ничего не останется кроме занудной нравоучительной истории о вечных, никому кроме нас с вами не нужных, ценностях: любви, дружбе, чести, долге.

И последнее. Хочу сделать официальное заявление, кто бы там, что по ходу повести ни говорил, лично я за неформативную лексику, заумные цитаты и крамольные реплики, использованные героями и злодеями сказки, как любое уважающее себя физическое лицо, юридической ответственности не несу и нести никуда не собираюсь, все же случайные совпадения здесь абсолютно закономерны, а закономерные, соответственно, совершенно случайны.

Надеюсь, не утомил, нет?

Отлично! Если вы добрались до этого вопроса, значит, с уверенностью можно заявить, что у вас крепкие нервы и высокая сила духа, а это, в свою очередь, означает, что у вас появился отличный шанс потратить небольшой промежуток своей единственной и неповторимой жизни на то, чтобы с нескрываемым удовольствием погрузиться в мир буйной фантазии, от корочки до корочки прочитать сказку и, уж поверьте моему честному слову, это того стоит.

1-я часть: Про то, как «заваривалась каша»

В некотором царстве, в некотором государстве, жили-были как-то старик со старухой. Хотя нет, слишком неопределённо, да и про царя с царицей так говорить неприлично, ну и волшебнo-приключенческие сказки излагаются несколько иначе.

Вот так, например.

Давно это было. Так давно, что и представить трудно. А придётся.

В те стародавние времена, когда колорадские жуки только-только начинали выгрызать одноимённый каньон, а в зоне вечной мерзлоты нет-нет, да и попадались ещё первобытно-общинным оленеводам депрессивные мамонты, саблезубые тигры и неадекватные реликтовые ленивцы, а в тридевятом (по уровню жизни) царстве, в тридесATOM (по количеству ВВП на душу населения) государстве уже торжественно занимал пост «гаранта конституции» государь по имени Владибор (что означает – владеющий определённой, в основном заросшей лесом, территорией земли, в простонародье – наследный президент 1/6 части суши), по отчеству Ильич (чувствуете, да, корни Муромские?), а по прозвищу – Ясно-Понятно Солнышко. Сам-то царь Владибор Ильич и не подозревал про своё прозвище народное, коим его подопечный электорат, несмотря на постоянную заботу государя о нём, без зазрения совести, стыда и элементарного уважения к монарху нарёк. А всё из-за благоверной супруги государя – Надежды, по прозвищу Крупной.

Ну, тут и к волхвам-друидам не ходи, издалека видно, откуда такое прозвище – от массы её тела, помноженного на объём. Крупная женщина была, и всё тут. И чтобы она не возжелала, на все её неординарные, мягко говоря, капризы только и вздыхал царь Владибор: «Ясно-понятно, солнышко, быть по сему».

Во-от!

Ну, значит, жили они, поживали дружно вместе с вышеуказанным подопечным народом. Друг дружке хлопот особых вроде-бы не доставляли, а кое-где даже и веселились сообща. Так, бывало, царь с августейшей супругой в гости к народу пожалуют, поглядеть, кому окромя их на земле родимой хорошо живётся. А всезнающие воеводы да бояре заранее среди народа рассредоточатся и щекочут того: кому пятки, кому подмышки, а кому и нервишки. Народ-то и не хочет смеяться, а деваться некуда, хохочет до слёз, воеводу-то не отгонишь аки муху назойливую и как занудливого комара боярина не прихлопнешь, они, если что не так, опосля с дружинами своими вернутся с обидчика спрашивать. А кому эти «тёрки-разборки» надобны, никому не надобны. Вот и лыбятся люди добрые, по добру, по здоровью.

Посмотрит царь, как его народ весело живёт, и не менее радостный и умиротворённый возвращается в покои царственные. А в следующий раз уже к нему ходоки-парламентёры, от народных масс отряженные, пожалуют, с жалобой ли челобитной, али с поклоном-просьбою, а как увидят необыкновенные хоромы государевы, так и забывают, зачем, собственно, приходили. А воеводы с боярами их не прогоняют, за сущие гроши экскурсию им устроят, поводят гостеприимно по палатам, покажут, где белоснежные мраморисовые нужники басурманского производства установлены, где джакузии окаянные, размером с баскетбольную площадку, пузырятся, да и к фонтанам немислимым аквапарка государева отведут, чтобы окончательно оных охмурить, а потом ошеломлённых ходоков и к царю препроводят, ежели тот более государственными делами не занят. Ходоки потопчутся-потопчутся, похихикают нервно в кулак, облобызуют преданно рученьки царёвы, да спешат сломя голову из хором беломраморных. А другим рассказать бояться про всякую невидаль заморскую во дворце виденную, дабы не попасть за «малохольство» на учёт к лекарям-аптекарям, что в специализированном остроге душевнобольных излечивают шиловой терапией.

Так и жили государь с челядью и народ евонный. Жили, не тужили.

Иллюзия. тьфу ты, идиллия, другого слова не подберёшь.

Всё бы ничего, только вскоре серьёзная оказия с ними приключилась. Со стороны болот гиблых, из-за дебрей непролазных, да из-за гор верхолазных явилось к ним, хоть и запылилось, Чудо-Юдо страшное и совершенно дурнопахнущее. За то, как омылось оное чудище без элементарного, с позволения сказать, разрешения в джакузии пузырястой от пыли да грязи болотной, пригладило да уложило свою шерсть (хотя некоторые очевидцы утверждают, что у него просто борода такая, по всему телу расположенная), что в дебрях да в горах взъерошилась, так и увидели все, что не Чудо-Юдо это вовсе, а ЛихоОдноглазое, в отличии от других «лихачей», белое и пушистое, но и не Циклоид, а нечто ещё крупнее и совершенно иное внешностью.

Попытались отважные, до поры до времени, воеводы со своими не менее бесстрашными ратниками да дружинниками, на бои-баталии тренированными, отогнать Лихо от джакузий государевых, да только рассверпили оное, разнервировали и схлопотали от последнего по число, да по первое, да по полной программе.

Когда увидел государь, что Лихо не так-то просто «попросить выйти» и числом и умением, приуныл слегка, а Лихо, знай себе, полощется в джакузиях, лопочет что-то непонятное, видно, песню душевную затянуло. А тут супруга государева Надежда, как специально, в самый разгар острого сюжета вышла из опочивальни, потянулась со сна и, узрев сию неприглядную картину, так смачно выразила своё недовольство сложившейся ситуацией, что и воеводы, места свои ушибленные потиравшие, рты разинули, и бояре дрожать от страха перестали, и царь забыл промямлить «ясно-понятно, солнышко», что было совсем уж нетипично, и даже Лихо, прекратив бубнить, открыло свой глаз огромный и, поведя им по сторонам, узрело хозяйку короткого, но весьма насыщенного восклицательными предложениями монолога.

Непонятно какими такими чувствами руководствовалось Лихо, может, красноречием нешаблонным, может голосом визгливо-ласковым, только улыбнулось оно нежно, оскалив клыки бивнеподобные, и, схватив государыню за талию (хотя уместней будет сказать – за «экватор» телесный) в несколько скачков скрылось в том направлении, откуда прежде объявилось, оставив на память о себе запачканные джакузии, развороченные фонтаны да потоптанные садово-огородные плантации царские, а на память о царице корону погнутую, что с головы её слетела, покуда размахивало ей Лихо, прикидывая «на глазок» удельный вес последней.

Тут бы возрадоваться царю (как весь его двор уже мысленно поспешил сделать), что так лихо и скоротечно избавились и от Лиха одноглазого, царицей откупившись, и от царицы капризной, агницей жертвенной (вечная ей память) в итоге обернувшейся. Ан нет! Пригорюнился царь, приуныл почему-то. Челядь подумала, что по джакузиям да фонтанам скорбит Владибор Ильич, быстро всё в порядок привела, ещё и шарами праздничными оформила, да к пиру подготовку начала. А царь и не смотрит на шарики разноцветные, радужные струи и пузырчатые бассейны, а переводит взгляд свой тоскующий то на палача, то на бояр с воеводами, и всё по государыне вздыхает.

Видят дворовые, неладное с царём-батюшкой творится, совсем худо ему, в таком унынии он прежде никогда не бывал, даже с похмелья пиргоройского таким сумрачным не припоминал его никто. А как его хандра может на них отразиться, даже думать никто не хочет, от того что головы на плечах другими думами заняты.

Подумали, значит, придворные, поразмышляли ещё немного, поломали головы, да смекнули, наконец, что никак по августейшей супружнице скорбит царь-батюшка. Эка невидаль, государю новую невесту оформить, мысленно ухмыльнулись придворные и мигом преподнесли самодержцу несколько резюме принцесс-царевен-герцогинь в безвозмездное владение. К слову сказать, резюме те были с эротехабными портретами девиц, с волшебсайта знакомств Бабы-Ягодки, которые бояре прежде у себя под одеялками рассматривали, мечтая, втайне друг от дружки, хоть разок на какой-нибудь пожениться, посему, уверенно считали они, царь в один миг забудет про Надежду, а изберёт себе гораздо более другую царицу. Вот, например, Зуль-

фию Шамаханскую, Пенелопес Грекоримскую, или, на, совсем уж худой конец, Эвелизу Ричардовну, княгиню Берелевскую.

Однако глянул государь Владибор на картинки скабрёзные, пробежался мельком по тексту с параметрами девичьими и пуше затужил. Ему, пожилому, ведь не титьки пустоголовые нужны были, а душа родственная, вновь догадались бояре с воеводами, и, хлопнув себя по лбу, тоже пригорюнились. Знали – у государя одна «душа» Надежда, она и «компас его земной» и, при удачном стечении обстоятельств, та самая «награда за смелость».

А где её, царицу, нынче искать, не ведал никто из придворных. Но сидеть, положив руки на сердце, на почки, на печень (в общем, у кого что болит), боярам да воеводам тоже не пристало. Делать что-то надо. Ведь ежели без царицы государь-батюшка занеможет, захворает, зачахнет и скоропостижно умрёт от тоски, то царство-государство безотцовщиной останется, да по миру пойдёт. Наследников у него нет, завещание суеверным государём до сих пор не написано. А это что значит? Верно! Ведь как пить дать перегрызёмся за власть, перебьём друг дружку, угрюмо думали придворные, искоса поглядывая на золочёный трон, да и народ за время смуты распоясаться может, тоже аспект немаловажный. Так кто виноват и что же делать, искали ответ на исконные сакраментальные вопросы в своих головах придворные и додумались-таки до того, что оба вопроса у них слились воедино – кого виноватым сделать? А тут и царь из думы горькой, почти даже государственной, вышел ненадолго и задал тот же вопрос, только совершенно другими словами:

– Азм есмь кесарь, али не кесарь эгидодержавный?! Инда допрежь аки паки негоже намо троноправити, ибо быху во намо лютозвереху проснути, земляху во кровути утопиху. Азмо велимо понежу, али не добже азм боги веде глаголю добре есмь живот зело земля иже инить гервь како людие мыслито наш он покою рцы слове твирдо херь ци шта ёта ять?

Ничего не понявший из сказанного царём, но нутром прочухавший, что речь не поздравительная, боярско-воеводский люд сидел чинно, не шелохнувшись, опасаясь нарваться на более крупные неприятности. Видя, что никто из близкого окружения ничегошеньки не понимает на древневелиречавском наречии, удручённый Владибор перешёл на упрощённый язык межнационального, межклассового и меж так далее общения.

– Ну что, слуги мои верные, притихли несвоевременно и глядите, словно в первой видите? – поинтересовался самодержец, мрачно оглядев сидевших на скамьях бояр да воевод, и вновь кинул клич в массы. – Кто из вас, мужики, готов храбро броситься вослед супостату великорослому, да в смертном бою отбить у оного разлучника, царицу, мать вашу? А-а?

Замолк государь в ожидании ответа, а в ответ. такая тишина, словно уже никто не вернулся из боя.

Мужики в поле пашут, дружно подумали придворные, недовольные подобным обращением («слуги»-то уху привычней слышать), но вслух никто не решился обмолвиться, вдруг его и пошлют за «супостатом». Зато, опосля вопроса царского, все бояре с воеводами дружно занялись внезапно возникшими делами: кому срочно в носу поковыряться приспичило, кому в ухе (мол, обожди государь, чего-то со слухом не то), более культурные начали сморкаться в батистовые платочки, лишь бы не встретиться с внимательным взглядом государевым, и только боярин Годунович (вот же чувствительный человек) решительно обратился к царю с низким поклоном.

– А можно выйти? – зажимая нос пальцами, испросил он разрешения у Владибора Ильича. От событий последних, включающих и речь государеву, так худо стало бедолаге, что у него поднялось давление и кровь носом пошла.

Отпустил его царь восвояси и ещё раз окинул взглядом свою челядь, но больше ничей взгляд так и не поймал. Спички жеребьёвочные же не стал заставлять тянуть оных, справедливо предположил, коли по доброй воле не решились, силком от них толку ещё меньше будет.

Озадачился государь и задумал, как время будет, пересмотреть свою кадровую политику, провести аттестацию и ротацию с регионами. А пока решил стариной тряхнуть.

– Эх, вы! – поднялся государь с трона золочённого, сжимая скипетр-батюшку и державу-матушку. – Неужто не осталось среди вас отчаянных героев?! – зыкнул он в первую очередь на заслуженных воевод. Те же, уже схлопотавшие от «супостата», только растерянно развели руками, мол, нет, не осталось, ни героев, ни желания. – Али не я государство наше сколачивал, ночи недосыпал? – пытался пристыдить царь своих «слуг верных». Те только криво мысленно ухмылялись, мол, уж точно не ты. – Али не батя мой, Илья-богатырь, полный кавалер былинных наград, пядь за пядью расширял уделы родины нашей? – напомнил царь «преданье старины недавней».

Бояре с воеводами дружно закивали, соглашаясь, мол, тут, да, Илья-богатырь человек авторитетный, его заслуги у всех на виду.

– Эх-ма! – молодецки взмахнул скипетром Владибор Ильич, словно булавой богатырской. Революцию бы затеять, как раз ситуация подходящая – верхи хотят, низы не могут, бояться – да уже сам не первое лето на троне, свергать некого. Али, для науки, бороды боярам да воеводам поотрубать всем поголовно (экое страшное словосочетание в государевой-то голове оформилось).

Да, согласен, немного остыл в своей горькой думе царь, бороды рубить, это вообще беспредел для отморожков, лучше уж революцию. Ну, а про неё, родимую, государь уже думал чуть раньше и понимал, что с революцией тоже ничего не выйдет, но, всё же, как говорится, «туфлём постучать по трибуне» самодержец не преминул – высказаться решил по полной, по кузькиной.

– Дак доколе нас, царя-государя эгидодержавного, во всех державах иностранных, да и свой люд, пьяницей алкозависимым да лентяем расточительным считать будут? Вот займусь дзюдо, вольной борьбой или вообще на горные лыжи запишусь, буду к Людовику Надцатому на горно-обогачительные курорты ездить, слалом осваивать, – пафосно, правда, не совсем в тему, выпалил государь, и тут же поправился: – Но эти дела подождут, а сейчас подайте мне мово богатырского коня, Макроцефала, доспехи мои парадно-выходные с орденами и планками, я сам отправляюсь за матушкой вашей, Надюшенькой-царицей! – вновь взмахнул государь скипетром, но в этот очередной раз что-то стрельнуло у него в поясице, и царь с пронзительным стоном повалился на трон.

Трон со стонущим царём моментально окружила ватага озабоченновозбуждённых вельмож.

– Не бережёшь ты себя, царь-батюшка, хорохоришься всё, – с тугой повязкой на носу суетился рядом с самодержцем вовремя обернувшийся туда-обратно боярин Годунович. – В твои-то годы так скипетром махать неосмотрительно. Благо, что ещё державу отжимать от груди не стал, мог ведь растяжение связок и сухожилий схлопотать на ровном месте.

– Так с вами, дармоедами, по-другому никак, – слабо просипел царь, поправив сползшую на лоб корону. – Вы же ни делом, ни словом подсобить в критической ситуации не способны, только празднества устраивать, да ягодицы наши августейшие лобызать горазды.

– Без этого никак, не нами ритуал установлен, – не смутился боярин Годунович, подкладывая подушку царю под локоток. – Но и словом, то бишь своевременным советом, помочь можем. Мне тут идея светлая на ум пришла.

– Озвучь-ка! – вперил государь тяжёлый взгляд в боярина. Кажется, он уже предварительно наметил себе кандидатуру «виноватого». – Только гляди, Годунович, не огорчи меня! Если что, пеняй на себя!

– Ладно! – сглотнул боярин, орошая вмиг пересохшее горло и, взяв себя в руки, поделился с царём своей «светлой идеей». – Я что разумею государь? Ежели у нас в стране нынче наблюдается кризис на собственных героев богатырственных и богатырей героических, то

можно не заморачиваться, не посылать глашатаев по деревням и весям, а запросто заказать одного за рубежом. У тамошних киллеров – по-иноземному героев, и такса на любые услуги установлена, и расценки, судя по прайс-листам, вполне нашему бюджету государственному по плечу. Если хочешь, милостивый государь, можно с ними через Бабу-Ягодку связаться, обговорить условия и заключить двусторонний обоюдовыгодный контракт с наиболее приоритетным киллер-богатырём. Как вам такой план?

Владибор Ильич не обратил почему-то внимания на то, откуда такая осведомлённость в вопросах, касающихся иноземных киллеров, и зачем она вообще понадобилась его боярину, а задумался ненадолго над словосочетанием «обоюдовыгодный контракт», взвешивая всевозможные «за» и «против», и единственный вывод, который он из всего этого извлёк, что на отечественном безрыбье и заморский рак желанный рыбак.

– Быть по сему! Я к Бабе-Ягодке ездки! – провозгласил царь и, преодолевая боль в пояснице, поднялся с престола. – Карету мне, ох-хо-хонюшки, карету!

* * *

Не успел царь и глазом моргнуть, как к главному входу подали карету, точнее, солидный кортеж из карет, в количестве трёх единиц. Путь царю предстоял недалёкий, но крайне непредсказуемый. Ведьма с псевдонимом Баба-Ягодка проживала на территории заповедной резервации «Черноборье» – заросшей лесом пересечённой местности в несколько гектаров, которую соответствующим указом, имеющим силу закона, основал приснопокойный батя нынешнего государя, легендарный Илья – разрушитель стереотипов. Устав «без выходных и праздничных» громить нечисть, донимавшую простой люд, а может, что маловероятно, сжалившись над ней, богатырь, таким образом, нашёл компромисс между простыми людьми и разного рода тёмными личностями: лешими, магами-колдунами, упырями, ведьмами, оборотнями, соловьями-разбойниками, стадами воинственных кентавров и косяками русалок, водяными и бездомными домовыми, подколотниками и подкаблучниками, соломниками и боровчаками, дупляками и кротовушниками, болотниками и бесами, блударями и лярвами-лихорадками, игошами и злыднями, и многими другими экзотическими, и даже эзотерическими существами. Это забытое богами местечко (причём, знающие люди и нелюди говорят, что нарочно ими забытым) имело свои неписанные законы, основными из которых были: не верь в бога, не бойся чёрта, не проси пощады.

Если это кому-то что-то говорит, то теперь вы представляете, в какое место отправлялся царь – в самые, что ни есть, задворки империи.

Поэтому и кортеж был соответствующий. Первой в походной колонне стояла бронированная заморская колесница ручной сборки с вращающимися спереди и по бокам обоюдоострыми лезвиями, которую государю, по спецзаказу собирали в Илладии. На ней помимо возницы имелись места для двух арбалетчиков, стоявших наизготовку возле бойниц. Затем расписанная золотом лимузиновая карета самого царя, с увеличенной базой и усиленной ходовой частью. И заключала кортеж открытая повозка, запряжённая четвёркой тяжеловозных лошадей – першеронов, на которой была установлена скоропалительная мортира и располагался дежурный боевой расчёт суровых ратников-пушкарей. Помимо царских штандартов, развивавшихся на передке, все транспортные средства были оборудованы проблесковыми факелами.

Вот в каком солидном сопровождении, прихватив с собой только хитромудрого советника-подстрекателя боярина Годуновича, царь отправился к ведьме за подмогой.

Выехав из стольного града, кортеж миновал несколько зажиточных деревень и подъехал к «Черноборью». Узревши издали приближавшийся караван с царскими штандартами, стояв-

шие на посту-заставе около леса стражи вытянулись во фрунт и, отдав воинское приветствие, проводили взглядом промчавшийся кортеж государя-батюшки.

– Эка приспичило государю, коли самостийно в гиблое место сунуться решил! – покачал головой начальник караула, когда дорожная пыль, поднятая колёсами кортежа, осела на землю.

– Наверное, опять к Бабе-Ягодке за кремом из омолаживающих яблок для царицы помчался, – выдвинул версию один из караульных и сплюнул вслед.

– Или за пилюлями окаянными, плоть будоражащими, – криво усмехнулся второй.

«Начкар» зыркнул строго на болтунов, и те прикусили свои длинные языки.

Не знали ничегошеньки они о беде великой, не ведали. Вот и несли чушь всякую.

А царский кортеж тем временем продолжал свой путь по заколдованному местами лесу. Спустившись с очередного холма, кортеж подъехал к развилке-перекрёстку и остановился. Боярин Годунович по велению царскому выпрыгнул из кареты и подбежал к указующему камню, на котором мелким шрифтом было выгравированы адреса более-менее значимых жителей «Черноборья». Проблема была в том, что такие тёмные личности, как Баба-Ягодка, обладавшие мобильными жилищами, как-то: терема на куриных окорочках, одно-двухкомнатные самоступы, берлоги-сороконожки, саморойные норы или ещё что-то в этом нечистом духе долго на одном месте не застывали, чтобы двигательные рефлексы жилищ не атрофировались. Из-за этого егеря-почтальоны с ума сходили, кружа по зловещему лесу в поисках соответствующих адресатов (по крайней мере, такой была официальная версия их сумасшествия). Во избежание этого, мягко говоря, недоразумения и был придуман фокус-покус с камнем, указующим место последнего пребывания того или иного субъекта. Вот вельможа Годунович, аки мифический Ахиллес, с сердцем в пятках, бойко покругил вокруг камня и, найдя нужный поворот и указав колесничному вознице поворот направо, запрыгнул в царёву карету.

– Далеке ещё? – озабоченно поглядывая на темнеющее небо, спросил Годуновича государь.

– Совсем уже рядом, – переведя дух, ответил боярин. – Третья поляна слева.

Спустя буквально пять минут царский кортеж свернул на просеку и, выехав на небольшую утоптанную полянку, остановился аккурат напротив генномодифицированной избушки с закрытыми наглухо ставнями, которая скусающе переминалась с одной гигантской куриной лапы на другую. Зрелище было не для слабонервных, и Годунович уже сто раз проклял свою болтливость, но деваться ему было некуда. По приказу царя-батюшки (не царское это дело с избушками дискутировать) он вышел из кареты и достал шпаргалку.

– Терем-терем, теремок, – стал зачитывать боярин круговоротное заклинание. Избушка перестала раскачиваться и, прислушиваясь, замерла. – Ты не низок, не высок. Не яранга ты, не чум. Хоть не юрта, но кочуешь. Ты мобильней, чем вигвам, обернись-ка входом к нам, – закончил читать Годунович, но избушка так и не шелохнулась.

– Пожалуйста! – раздался подсказывающий шёпот из государевой кареты.

– Ах, да! – хлопнул себя по лбу Годунович и заискивающе улыбнулся избушке. – Пожалуйста!

В этот раз терем-теремок не заставил просить себя трижды, довольно резво для своих массогабаритных характеристик развернулся на сто восемьдесят градусов вокруг своей строительной оси, также резко затормозил входом напротив кортежа и присел к земле так лихо, что сорвал висевшую над входом вывеску «Ведьма и в сто сорок пять Баба-Ягодка опять». Что это: девиз или скрытая реклама, боярин Годунович додумать не успел, так как в избе одновременно с избушкиным приседом раздался грохот утвари и непристойная ругань.

– Кого сюда черти принесли?! – выскочив на крыльцо, закричала, словно ошпаренная опрокинувшимся чугуном, ведьма Баба-Ягодка, в самом соку, не по годам косметически зачарованная женщина.

* * *

Тут, я считаю, необходимо сделать небольшое, допустим лирическое, отступление и сказать пару слов про этот весьма любопытный персонаж – Бабу-Ягодку. Ведьма её уровня могла запросто очаровать кого угодно, когда угодно, где угодно и как угодно. Сами понимаете, в подобного рода сказках, опытная ведьма, без особых ухищрений может в мгновение ока обернуться «секси гёрл» на неопределённый промежуток времени, и если бы не предательский возрастной целлюлит, от которого ни одна ведьма не может отделаться в силу законов природы (прошу не путать с жестокими законами джунглей), то наивным женихам: царевичам, королевичам, султановичам и прочим пришлось бы туго, потому как хитрую ведьму, только по этим признакам и можно было отличить от любого другого юного невинного создания, которому до ведьмы, было ещё как до золотой свадьбы. Но, тем не менее, уважаемые господа, так как в данный момент эта ведьма вам ничем не грозит, расслабьтесь и смело вообразите Бабу-Ягодку эдакой «фигуристкой пышногрудкой» с очаровательной родинкой над верхней, пухлой, как у Анджелины, губкой. Милые дамы, вы тоже можете не напрягаться, так как какой бы вы не старались вообразить себе эту ведьму, всё равно ваше уникальное воображение рисует старую, толстую и горбатую бабу-«жабу» с бородавкой на большом носу. На этом «лирическое отступление» прошу считать «закрытым». Вернёмся к сказке.

* * *

Приглядевшись, в сгустившейся темноте Ягодка разглядела Годуновича.

– Ты чего здесь околачиваешься, подлиза государева? – напустилась ведьма на боярина. Тот пытался ей глазами показать, мол, он не один, а с первым лицом государства, но та приняла его подсказки за порочные знаки внимания и пуще возмутилась. – И не строй мне тут глазки, бесово отродье. Тьфу, на тебя, охальник! Как самодержцу зелье-отраву готовить, так Ягодка, а как замуж – так баба глупая! Ещё раз тьфу на тебя!

– Да уймись ты, дура Ягодка! – зашикал на неё Годунович, пока царь сам не подошёл и чего лишнего не расслышал. – Мы с самим царём-батюшкой к тебе по делу государственному прибыли. А ты тут ахинею крамольную несёшь, на каторгу нарываешься.

– Как с царём?! – спохватилась ведьма, разглядев в темноте кортеж государев, во всей его воинственной красе. – С самим Ильичём?

– Я те дам фамильярничать! – мысленно намахнулся на Бабу-Ягодку Годунович. – Не с Ильичём, а с государём-батюшкой Владибором Ильичём, наследником престола, хозяином трона, скипетра, державы и самодержцем всея одной шестой части суши.

– Дак я сегодня ничем помочь не могу, выходной у меня! – развела руками ведьма.

– Как так выходной? С какой стати? – свёл брови Годунович. – К тебе государь собственной персоной приколесил, честь, так сказать, оказал, бесплатную рекламную акцию с царского плеча пожаловал, а ты – выходной. Сдурела, ведьма бесстыжая!

– Сегодня какое число и день недели? – не прониклась эпохальностью события ведьма и, скрестив руки на груди, прислонилась к дверному косяку.

– Пятница, – вспомнил боярин. – А число двенадцатое, кажись.

– Когда кажется, крестись! – ухмыльнулась Баба-Ягодка и тут же хлопнула себя ладошкой по губам, мол, глупость ляпнула.

– Тринадцатое сегодня. Пятница, тринадцатое. У нас сегодня шабантуй, народные гулянья в «Черноборье». Если хотите, оставайтесь на праздник, а завтра о делах ваших посудачим. Нынче же, при всём уважении и респекте, никак. В такой праздник только праведники пашут, а махровым грешникам двойной грех напрягаться. Не обессудьте.

– Значит так, да? – с всё ещё сведёнными бровями сквозь зубы процедил боярин.

– Выходит так и никак иначе, – пожала плечами ведьма.

– Обожди, я к государю отлучусь, обстановку доведу, – с немного растерянным видом, но, всё ещё сведёнными бровями промолвил Годунович и отошёл к карете царской.

Не знаю, о чём они там шептались, но непреклонный царь, как и боярин, в конце концов свёл грозно брови и, высунувши руку из каретного окошка, щёлкнул пальцами. Тренированный пушкарский расчёт мигом навёл мортиру на ведьмин терем и запалил фитиль, а Годунович тем временем вернулся к ведьме с ультиматумом, но и слова не успел вымолвить.

– Да что же я, дурында старая, о-ох, шутки шутить с государём-батюшкой вздумала, креста на мне нет, – ласково разулыбалась Баба-Ягодка грознобровому боярину. – Да и ты, Борисыч, не гляди на меня строго. Праздник всё-таки.

– А я и не смотрю строго, – заверил её Годунович. – У меня того, брови судорогой свело, ажно в переносице колет.

– Беда ли то, – глядя на жерло мортиры, провела ладонью ведьма по лбу боярскому. Годуновичу судорогу, словно рукой снял... а ну да, ну да, так и есть, рукой сняло. – Зови царя-батюшку в терем. Проблемы государственные решать будем, а шабантуй, он подождёт.

Царь в сопровождении Годуновича вошёл в колдовской терем, а арбалетки, проклиная, на чём свет стоит и избушку, и ведьму, и остальных жителей «Черноборья» с их нетрадиционной магической ориентацией, заняли пост около дверей задремавшего терема.

Перво-наперво ведьма попросила рассказать суть всей проблемы от «аз» до «ять», ничего не упуская, якобы для того, чтобы, имея максимум информации, принять правильное решение для разрешения государственной задачи. На самом деле она просто хотела повеселить своих подруг на шабаше новой сплетней из уст самого государя самодержавного (любимая фишка в кругу нечисти: интриги, скандалы, расследования, узнать что скрыто, разболтать остальным). Однако рассказ её так разжалобил, что Баба-Ягодка попросила более детально описать то Лихо-Одноглазое, которое бесцеремонно уволокло в неведомые края царицу-матушку Надежду.

– Ну, какое-какое оно, – угрюмо вздохнул государь, припоминая особые приметы супостата, – здоровенное, косматое-бородатое, рычит грозно, нечленораздельно. А-а, вот ещё, джакузию запачкало.

– Так это никак сам демонический Джегурда к вам приходил, – передёрнулась от ужаса ведьма.

– Да бог с тобой, голубушка, – перекрестился государь, а ведьму ещё сильнее передёрнуло – и от слов царских, и от знамения крестного. – Джегурда-то, чудище косматое-бородатое, ещё при последнем герое с позором изгнано, с тех пор его никто и не поминает лихом, от греха подальше. Да и ростом он гораздо мельче этого монстра.

– А нарисуйте мне тогда хоть кое-как Лихо это одноглазое, – попросила Баба-Ягодка государя, протянула ему уголёк и кивнула на дымоход небольшой печурки. – Коли будем знать, что за тварь безбожная царицу-матушку выкрала, легче будет с киллерами иноземными сговориться.

Они ведь не как наши дураки – идти туда, не знаю куда, убивать то, не знаю что – им конкретно фас, профиль заказанного клиента подавай или, по крайней мере, его вид, пол, фамилию-имя или кличку-прозвище, адрес или ареал обитания. У них там с этим строго.

Государь вздохнул и, несмотря на свои крайне низкие художественные навыки, изобразил то самое Лихо, и ещё в лапе у неё царицу-матушку обозначил для примерного представления размеров чудища.

– Мать моя бабушка! – воскликнула ведьма. – Как же я сразу не опознала это чудо-юдище приматоподобное. Это же не что иное, как горилло-мутантский снежный гигантопит Кин-Кон (прошу не путать с Конкиным и уж тем более с Кокшеновым, это монстры иного масштаба),

из заснеженной Аркфрики, где круглый год, днём и ночью, мороз и выюга. Вам ещё повезло, государь, что у вас дворец одноэтажный, а то чудище это, по слухам, любит с какой-нибудь попавшейся под руку принцессой взобраться на самую верхотуру замка небоскрежного и оттуда оную хряснуть оземь.

– Плохо, значит, дело? – тоскливо шмыгнул носом, государь. – Небось, на такого монстра охотников и за «бугром» не сыщется?

– Не дрейфь, царь-батюшка, – похлопала самодержца по плечу ведьма. Достала каталожную «Книгу мастеров на все руки» с цветными картинками и, открыв в нужном месте, показала «претендента» царю. На картинке был изображён здоровенный рыцарь на белом коне, держащего в левой руке копьё с насаженными на него тремя несовершеннолетними альпинийскими драконами. – Знаю я парочку киллеров иноземных. За хорошую цену они тебе и с чёрта шкуру сдерут, – вновь хлопнула себя по губам Баба-Ягодка, – Вот, например, рыцарь Цвайвенго. Тут написано, что у него физической силушки как у двух среднестатистических айвенгов. Он как раз специализируется на гигантах. Драконы, Кракены, Левиафаны, Птеродонты, Мастозавры, Слонопотамы – его профиль. Думаю, он не откажется помочь царю дружественного государства, да ещё и за хорошую предоплату.

– Хорош богатырь! – оценил «киллера» государь. – Давай-ка свяжемся с ним, обговорим возможные перспективы сотрудничества.

– Проще простого! – заявила Баба-Ягодка, взяла с полки пару-тройку пузырьков и накапала из каждого по несколько капель в стоявший на печи котёл. – Глядите сюда люди добрые!

Боярин Годунович и царь-батюшка приблизились к печурке и склонились над котлом. Спустя несколько секунд, бурлившее в котле зелье замерло, словно превратилось в студень, и на его поверхности отразилось совсем другое помещение, больше похожее на пещеру убранную в готическом стиле.

– Чур меня, чур меня, – попытался перекреститься Годунович, но получил по рукам от ведьмы.

– Не чертохульствуй, сеанс связи прервёшь, – прошептала она и показала глазами на котёл. В этот момент на изнаночной стороне поверхности зелья показался длиннородый старец с дурацким сиреневым колпаком на голове и, согнувшись над, по всей видимости, своим котлом, собрался подсыпать в него собственные колдовские ингредиенты, но, увидев как на него таращатся из глубины котла, уже с его стороны три, мягко говоря, недружественных физиономии, вздрогнул и отскочил прочь, чем существенно развеселил ведьму.

– Эй, Мерлин, Мерлин, ты, где там?! – веселясь, заорала чертовка в котёл. – Это я, Ягодка, неужели забыл меня, старый хрыч?!

На котловом отражении вновь появилась сухощавая фигура старика в дурацком колпаке. На этот раз он не стал сматываться, разглядев, кто вышел с ним на связь. Вместо этого старик начал жестикулировать, показывая непристойные жесты, и беззвучно двигать губами.

– А-а, сейчас звук включу, – вновь ухмыльнулась ведьма и, схватив сидевшую на подоконнике лягушку, зашвырнула её в котёл. Круги на зелье, порождённые скрывшимся в котле земноводным, быстро разошлись, зато стал слышен слегка квакающий голос старого мага.

– ...арая ква-ква-кведьма, так и за-за-заикой квастаться недолго, – тряс он кулаком Баба-Ягодке. – Предупреждать ква-кваране над-до. А это кво-кво ещё с тобой? Что за нечисть?

– Уймись, старый, – крикнула в котёл ведьма. – Это не нечисть, это государь наш батюшка, Владибор Ильич. И у нас к вам дело государственное.

Услыхав, кто на него сквозь котёл магический сурово так смотрит, старый маг подтянулся, оправил бороду и, слегка поклонившись, представился:

– Рад знакомству, государь Владибор Ильич. Разрешите представиться – Мэнсон, Мерлин Мэнсон – друид, телепат, биотерапевт, по совместительству промоутер сэра Цвайвенго.

Насколько мне позволяет расстояние, я могу предположить по вашим судорожно скачущим мыслям, что вы именно по этому поводу к нам, так сказать, пожаловали?

– Угу, – кивнул государь Владибор. – Нам хороший киллер нужен позарез.

– Вы попали по адресу! – хвастливо подбоченился Мерлин на другом конце «видеомоста». – Наш геройский герой сэр Цвайвенго уже на полпути с очередного спецзадания, везёт мне в качестве трофея гигантский хрустальный башмак Кентерберейского Золушонка. Я их жуткий поединок по котловому телепатовидению смотрел, просто заглядень...

– Хватит расхваливать рыцаря и без тебя заслуженного, – перебила мага Баба-Ягодка. – И так его подвигами все сорочки хвосты исписаны. Давай ближе к делу.

Мерлин недовольно потянулся и смачно сплюнул в котёл. Царя такое поведение иноземного мага покорило, и он уже собрался обложить одного тремя этажами высокоморального монолога о недопустимости подобных выходов с высокопоставленными чиновниками, но ведьма упредила его опрометчивый поступок.

– Не обращай внимания, государь-батюшка, – успокаивающе промолвила бывалая старуха. – Плевок мага тоже ингредиент магический, как крыло летучей мыши, кротовый глаз или воронья лапка. Это же Мэнсон, Мерлин Мэнсон, он, как и все иноземные колдуны, слегка того в этом плане и даже более того. Не обращай внимания.

Увидев, что государь остыл немного, ведьма нагнулась над котлом.

– Слышь, Мэрлин! – продолжила переговоры. – У нас царицу-матушку среди бела дня в заложницы захватили и за тридевять земель уволокли.

– И кто посмел? – деловито поглаживая бороду, поинтересовался маг.

– Кин-Кон горилло-мутантский!

– Однако! – удивлённо повёл бровью старый друид, но особо не расстроился. – В принципе ничего сверхординарного для сэра Цвайвенго в этом задании нет. Выследит, устроит засаду, завалит клиента вашего, Кин-Кона. Вернёт царицу ко двору. Расценки знаете?

– Примерно. Хотелось бы уточнить.

– Минуточку! – Мерлин принёс счёты и защёлкал костяшками. – Так, турпоездка в Аркфрику в оба конца, снаряжение, пропитание, витаминизированный фураж для Саврасэра – коня рыцарского, утеплённые доспехи, толмач, проводники, носильщики, сменное бельё, свежие утренние газеты, прогревательные напитки, там, сами знаете, «дубак» под пятьдесят, услуги массажиста, тренера по аэробике, досуг.

– Э-э, ты давай лишнего не приписывай, – притормозила мага колдунья.

– У нашего государства бюджет не резиновый. Вычёркивай лишнее! О каком досуге, тренере и газетах речь, не в санаторий, поди, рыцаря собираешь.

– Ладно, досуг вычёркиваю, – пошёл на попятную, маг. – Тут я с вами согласен, никаких девок лёгкого поведения до выполнения заказа. Ну а потом, вы и сами знаете, – подмигнул друид заговорщицки царю, – Итого получается триста фунтов и тридцать стерлингов, золотом.

– И всё? – недоверчиво спросил царь, уже собиравшийся отказаться от услуг Сланцелота, услышав запросы киллерского «промоутера».

– Да, триста тридцать, – ответил маг. – Каждому! Рыцарю, мне и Саврасэру.

– Не много ли ещё и коню платить, – шепнул Годунович государю, прикинув, что за такую сумму он бы всю свою родню в Аркфрику за царицей отправил. Плохо, что его братья – зубные лекари – окромя бурмашины, другого «оружия» в руках своих золотых не держали, а с ними на Кин-Кона идти было бы сугубо неосмотрительно.

– Действительно, погибаешь, друид! – нахмурился государь. – Где же видано гужевому транспорту золотом проплачивать, или ваша лошадь докторскую диссертацию защитила?

Ведьма и боярин поддёвке царственной услужливо захихикали. Мерлин же нисколько не смутился.

– У нашего Саврасэра, как и у нас с Цвайвенго, на депозите в сберегательной банке из-под маринованных огурцов уже кругленькая сумма скопилась. Конь хоть и без диссертации, а считать денежки не хуже вашего брата может. От оно как.

– А что он там про «после заказа» намекал? – вновь шепнул Годунович государю. – Недоговаривает колдуняка.

– Да! А что там после заказа за фуршет намечается? – обратился царь к уже размышлявшему, что можно купить на гонорар, друиду.

– Как будто не знаете?

– Не-ет! – дружно протянули царь с единомышленниками.

– Дак оно самое, право первой ночи.

– Чегось, чегось? – не поверил своим ушам государь, и даже не столько не поверил, сколько недопонял.

– Право первой ночи с освобождённой леди, – озадачился друид, глядя как изменился в лице царь Владибор. – Это святое право каждого рыцаря, так в королевском законе прописано, параграф 17, пункт 23, – попытался Мерлин доказать, что это не отсебятина, а распространённая среди рыцарей практика. Но царя, и так еле сдерживающегося, прорвало.

– На мою Наденьку право своё удумали распространить?! – красный, как раскалённый самовар, «закипел» государь. – А фигу царскую выкусить не желаете?! – ткнул он в котёл трёхпёрстную фигуру. – Идите-ка вы к чертям с такими правами и законами! Я на вас, охальников, войною пойду! За слова скоромные ответите – и ты, похабник старый, и рыцарь твой, дитя порока, и развратный король ваш, хозяин борделя государственного масштаба! Все перед самодержцем ответите!

Хорошо, что ведьма, вовремя сообразив, звук отключила. Поэтому слова государевы про войну и короля-развратника до ушей друидских не долетели, а что он там по телепатическим каналам распознал, не считово и для международного конфликта официальной причиной служить не может.

После того как изображение предприимчивого мага в котле пропало, царь ещё немножко выпустил парок в нецензурной форме и, почти успокоившись, присел на лавку у стены.

– Что ты нам за «киллера» подсунула? – пристал Годунович к ведьме. – Это же надо такое удумать – на царицу нашу позариться. Давай-ка, другого подыщи, только повнимательнее смотри мне, не оплошай.

Не менее озадаченная ведьма полистала книгу и после недолгого раздумья обратилась к государю:

– Не вели казнить, царь-батюшка, позволь слово молвить?

– Чаво уж там, валяй, – кивнул Владибор Ильич.

– Есть ещё герой. И воспитанней этого бесстыжего рыцаря, и с запросами поскромнее.

– Что за личность?

– Самцон!

– Кто-кто?

– Самцон-богатырь, человек исключительно положительный.

– Одно имя его существительное доверия уже не внушает.

– Да что ты, царь-батюшка, он девками в этом смысле почти и не интересуется. Для него добрые поступки всегда во главе угла. Он любому льву пасть порвёт, а с Кин-Коном одной левой расправится.

Царь-батюшка глянул на картинку с изображением длинноволосого качка, безжалостно разрывающего пасть зевающему спросонья льву. Миловидное улыбающееся лицо парня вызвало у государя симпатию.

– Ладно, вызывай героя! – соизволил самодержец и вновь подошёл к котлу.

Ведьма отошла к тёмному углу и, отёрнув штorkу, глянула в висевшее зеркальце.

– Эй, Ягодка, не время прихорашиваться, – напомнил ей Годунович, кивнув на согнувшегося над котлом государя. Баба-Ягодка ухмыльнулась и, опрыснув зеркало очередным зельем из склянки с черепом, проговорила заклинание:

– Тьма из зеркала, скажи, да всю правду покажи, кто на свете всех сильнее, красивее и добрее. Покажи мне, где же он, златокудревый Самцон!

Закончив читать заклинание, ведьма сделала несколько магических пассов руками и, скрестив руки на груди, застыла в выжидающей позе напротив зеркала, глядя в своё и примкнувшие к нему по бокам отражения царя и боярина. Вскоре их зеркальные отражения стали медленно таять, уступая место гламурно украшенной хижине и смазливому субтильному пареньку в обтягивающей тунике, подводившему брови как раз напротив.

Увидев в своём зеркале сосредоточенную троицу, паренёк несколько не удивился, спокойно убрал косметические причиндалы в сторону и, прокашлявшись, поздоровался.

– И тебе не хворать, – вместо приветствия ответила ведьма с испортившимся вконец настроением – не таким она представляла себе красавчика Самцона. Государь, хмуро глянувший на ведьму, по всей видимости, тоже на иного «богатыря» рассчитывал.

– Так ты и есть Самцон?! – не сговариваясь, одновременно спросили государь с Ягодкой.

– А что, не похож? – оглядел себя субтильный.

– Не, не очень.

– Значит, Самцон это не я.

Троица на этой стороне зеркала недоуменно переглянулась – похоже, кто-то кому-то точит мозги.

– А кто ты тогда будешь? – первой вышла из ступора ведьма. – Я на связь с Самцоном Великолепным выходила. Неужели ошибочка вышла?

– Да нет. Всё верно. По адресу попали, – дружелюбно улыбнулся субтильный.

– Так ты, что ли, Самцон? – переспросил теперь уже Годунович.

– Нет, я не он, а он совершенно не я.

– Хватит словоблудить! – взорвался царь, устав слушать субтильного. – Отвечай, кто таков и как нам с Самцоном-богатырём пообщаться.

Смазливый поморщил напудренный носик, не привык, когда с ним так вот по-мужлански обращались, но больше нарываться не стал, представился.

– Я Джерри – личный стилист, визажист и парикмахер легендарного Самцона, – поклонился субтильный. – А также представитель героя по связям с общественностью, осуществляю приём и предварительное рассмотрение жалоб и предложений. Готов выслушать вас, дамы и господа!

Джерри вновь поклонился, едва не коснувшись зеркальной поверхности, а царь с боярином, полные мрачных предчувствий, уставились на ведьму, мол, как понимать это тощее бесформенное безобразие.

– Слышь, хворый, – пытаюсь быть по мере возможности ласковой с субтильным, спросила Баба-Ягодка. – А нельзя нам с Самцоном самим пообщаться, всё-таки дело государственной важности.

– К сожалению, нельзя, – скрестив пальцы, наигранно вздохнул субтильный. – Вы слышали великий девиз гуманистов: «Красота спасёт мир!». А красота, помноженная на силу Самцона, вообще его на части порвёт. Поэтому сейчас у нашего героя время приёма процедур.

– Про приём каких таких дур речь идёт, когда царь с ним пообщаться желает, – не слышала ведьма последних слов героевского стилиста.

– Восстановительно-оздоровительных процедур, – дал более детальное разъяснение представитель Самцона. – Его нечеловеческая силища в волосах сокрыта, поэтому первоочередной задачей мы ставим для себя именно уход за волосами, куда входят: специальные питающие маски для волос, обёртывание, борьба с перхотью, уплотнение волос, щадящая химза-

вивка, окрашивание, мелирование, гелирование, колорирование, плетение, причёска, укладка и фиксация. Помимо этих ежедневных процедур великолепный Самцон подвергается сеансам массажа и депиляции, затем у него маникюр, педикюр, СПА процедуры, наращивание ресниц, мезо– и парафинотерапии, роспись, френч, подтяжка, диспорт, лифтинг, пилинг, скрабинг, дайвинг, бодибилдинг, шейпинг, шопинг.

Субтильный, красуясь перед зеркалом, продолжал перечислять все жизненно необходимые для настоящего богатыря мероприятия, а царь уже отошёл от заплёванного со своей стороны зеркала и опять устало опустился на скамью.

– Как всё запущено! – растирая виски пальцами, пробормотал государь.

– Неужто и за рубежом настоящие герои перевелись? Только жигало и эти вот голубчики.

– Убери его с глаз долой! – прошипел Годунович на ведьму. – Опять промашка?! Хочешь, чтобы у царя сердце в твоей избушке прихватило, чтобы очутился государь эгидодержавный в твоём гадюшнике, и на тебя его погибель навесили, а меня паровозом за тобой в северные остроги? Этого добиваешься?

Перепуганная вторичным промахом ведьма в этот же момент отключила сеанс зазеркальной связи и, поскорее задёрнув занавеску, от греха подальше уткнулась в книгу.

– Есть, есть, эврика! – завопила старая, спустя пару долгих минут гробового молчания. – Как же я про него забыла!

– Опять хочешь государю «еврика» какого-нибудь подсунуть?! – подошёл к ней вплотную боярин. Ведьма показала ему картинку в своей книге и, внимательно изучив послужной список и «ТТХ» очередного героя, боярин тоже разулыбался.

– Глянь, царь-батюшка, кого Баба-Ягодка нашла в своём бесовом каталоге, – поднёс Годунович книгу государю. – Это же самый главный герой, всем героям герой. Бесстрашный Гераклий – дважды герой Спартании, четырежды герой Аркады и двенадцати герой всей Иллады! Семикратный чемпион античного мира по боям без правил, олимпийский чемпион-кампенион в тридцатиборье, рекордсмен мира в двадцати семи видах спорта, в основном в тяжёлой атлетике и единоборствах!

– Ух, ты! – захватило дух у государя от услышанных «подвигов» доброго молодца Гераклия. – Молодчиha ведьма! Давай соединяй с благодетелем!

– Сей момент! – с готовностью отозвалась Баба-Ягодка. Вытащив из сундука огромную морскую раковину, она положила её на стол. Затем высыпала в неё немного сухой травы и подожгла. По избушке поплыл сизый дымок со сладковатым ароматом.

– Это ещё что за «Вуду»? – втянув носом воздух, боярин подозрительно уставился на ведьму.

– Всё в ажуре, сейчас его личного оракула вызовем, – успокоила его ведьма и зашептала над раковиной скороговорные заговоры. С каждой минутой сначала практически незаметный шум из раковины всё усиливался и усиливался, пока, наконец, не стал давить на барабанные перепонки, словно шум прибоя. Когда шум достиг своего апогея, ведьма в полный голос завыла в раковину:

– Пуфия, ответь! Приём! Пуфия, ответь!

Государь с боярином, несмотря на то, что тоже неслабо наглотались дурманящего сознание аромата, всё же с сомнением следили за действиями ведьмы. Однако их сознание открылось в одно время с Ягодкиным, и они, ошалевшей троицей, слышали хриплый голос, доносившийся из глубины раковины.

– Слышу, слышу тебя, Ягодка! Как дела, как девочки, как наши кентавры, не чахнут в вашем климате?

– Ой, не время лясы точить, Пуфия, – ответила ведьма. – У меня царь-батюшка в гостях, и дело у нас к Гераклию, государственной важности.

– Иди ты! – раздался из раковины голос оракула Пуфии, в котором сквозили сомнительные нотки. – Скажешь-таки – царь. Никак травы слишком много положила?

– Можно я? – шепотком попросил разрешения окосевший от чудес государь.

Ведьма одобрительно кивнула.

– Здравствуйте, сударыня, э-э, Пуфия, – несмело заговорил самодержец.

– С вами разговаривает.

– Кто это там твякает, Ягодка? – перебила его Пуфия. – Ничегошеньки не разберу. Таксу, что ли, завела?

– Шмаксу! – закричала в раковину ведьма. – С тобой не твякает, а разговаривает, дурёха, государь наш, батюшка Владибор Ильич, – ведьма обратилась к царю. – Громче говорите государь милостивый, она немного контуженная.

– Я всё слышу, – раздалось из раковины. – Так с кем имею честь?

Царь Владибор прокашлялся и уже более уверенно произнёс:

– С вами говорит самодержавный монарх Владибор, хозяин престола, скипетра и державы, самодержец 1/6 части суши!

– Очень приятно, Пуфия – личный секретарь-оракул героического героя героев Гераклия Зевсовича. Слушаю вас.

– Уважаемая, у нас стряслось горе государственного масштаба, – с чувством собственного жалобного достоинства произнёс царь. – И как совсем недавно выяснилось, только геройский герой Гераклий – победитель всевозможных чемпионатов, турниров и монстров, способен помочь нашей беде. На него одного нынче уповаю и держу пальцы крестиком. В добром ли он здравии, в хорошей ли форме, в своём ли он уме?

– Уф-фу-фу, – раздалось необнадёживающее фырканье из раковины. Так обычно фыркают, когда не знают что и сказать. – Многоуважаемый государь Владибор, у меня для вас две новости, хорошая и плохая. С какой начать?

– С хорошей! – ёкнув сердцем, сделал выбор государь.

– Геройский герой Гераклий Зевсович в добром здравии, в хорошей физической форме и в совершенно здоровом уме.

Пуфия замолчала.

– Ну-ну, чего замолкла, продолжай, – не выдержала напряжённого молчания ведьма.

– Всё! На этом хорошая для вас новость закончилась, – спокойно ответила раковина голосом Пуфии.

Царь, так и чувствовавший подвох, сник окончательно.

– Давай уж, выкладывай, в чём плохая весть заключается, – покусывая галстук на гамардэбский манер, «соизволил» государь.

– Гераклий Зевсович уже давно не практикует битвы с монстрами, чудовищами и иными мутантами, – ответила оракул-секретарь. – После того случая с кентаврами, когда он разошёлся, целое их стадо разнёс вдребезги, а в пылу драки и разнимавшего их друга своего, кентавра Фреона покалечил, Гераклий Зевсович завязал с заказными поединками. Теперь он консультирует и тренирует юных героев. В данный момент возглавляет тренерский штаб спартанской команды по боевым единоборствам «300 ГЕРОЙКОВ», готовит их к товарищеской встрече в ущелье с персидской сборной. У него контракт до конца сезона, жёсткий график тренировок, поэтому даже если вы с ним свяжетесь, не думаю, что Гераклий Зевсович сможет вам чем-нибудь помочь. Извините.

– Спасибо за информацию, сударыня! – поблагодарил государь Пуфию и махнул рукой ведьме, мол, выключай эту чёртову связь.

Баба-Ягодка попрощалась со жрицей-секретаршей героя и вновь уткнулась в каталог.

– Этот спился, этот погиб на турнире, этот пропал без вести, – бурчала ведьма, листая книгу с героями, – этот на пенсии, этот срок мотает за непредумышленное, этот тоже погиб,

этот в шоу-бизнес подался. О-о, вот бинго! – увидела она что-то более-менее подходящее. – Рыцарь тоскливого профиля, идадьго Дон-Пихтон. Тэкс! Специализация: заколдованные мельницы, водонапорные башни с призраками, бродячие замки, административные здания. Не то! – сокрушённо вздохнула ведьма, принявшись дальше перелистывать героико-богатырский каталог, – убит на дуэли, лишён лицензии, попал под каблук, тронулся умом, иссякла сила.

– Ладно тебе, – поднялся с лавки государь. – Не мучайся! Нет нынче действующих героев на земле. Поедем мы ко двору, ужо вон рассвет забрезжил.

Умаявшийся царь шагнул к дверям и, распахнув их настежь, вышел на свежий воздух. То ли после обрушения надежд в поисках героя для освобождения Надежды, то ли после крайнего дымного «сеанса», его слегка «штормило». На улице было по-утреннему свежо, что немного взбудрило государя-батюшку.

Распинав дрыхнувшую по периметру стражу и дав указания возницам, самодержец с Годуновичем забрались в лимузиновую карету в надежде немного подремать на обратном пути.

– Не вели казнить, государь! – подбежала к карете Баба-Ягодка.

Заметив из окна избушки засуетившийся подле всё ещё воинственно расчехлённой мортиры пушкарский расчёт, она приняла их действия на свой счёт.

– Чего тебе ещё? – высунулся самодержец из окна.

– Дай мне ещё шанс, отец милостивый! – пробормотала ведьма, косясь на пушку. – Найду я тебе настоящего героя, даже двух, или нет – трёх, таких же, как легендарно-былинное звено. Почти как три богатыря! Коня на скаку остановят, в горящую избу войдут!

– Баб, что ли, подобрать мне хочешь? – усмехнулся невесело самодержец, вспомнив знакомого стихотворца примерно в таком же жанре.

– Причём тут бабы, самые что ни есть мужланы будут, – не вспомнила никакого стихотворца ведьма, не сообразив куда вообще клонит царь.

– Ладно, не бери в голову, – махнул рукой государь. – Спасибо за проделанные попытки. Пока!

Владибор Ильич отодвинулся от окна, а вместо него наружу высунулся Годунович.

– Живи пока, Ягодка, хоть и без бога в сердце, но с царём в голове, живи и помни доброту государеву, – поучительно произнёс боярин, подмигнул ведьме и махнул рукой возницам.

Кортеж, сделав круг по полянке, умчался восвояси.

Проводив его взглядом, ведьма подошла к терему и, погладив избушку, вновь засела за героический каталог в поисках подходящего героя для самодержца. Хоть и тёмная была личность, а за слова свои завсегда отвечала, не то что некоторые.

* * *

Кортеж не спеша вёз храпевших царя с боярином по главному тракту резервации. Просыпающийся лес, покряхтывая ворчливыми дубами, потягивался после разгульной ночи. Ещё несколько поворотов, и покажется застава, отделяющая заповедную зону от обычного мира. Недоспавшие стражники зевали, кутаясь в плащи. Возницы, пытаясь отогнать сон, изредка встряхивали головами. Утренние птицы, щебетавшие в ветвях над головами, только усугубляли общее полусонное состояние, ещё шибче убаюкивая людей. Вот и последний поворот, а за ним глядишь. гляди ж ты, раззява! Человек на встречке!

Шедший встречным кортежу курсом человек в плаще с накинутым на голову капюшоном тоже не успел сообразить, откуда в такую рань такое(!) интенсивное движение по «Чернобырю», тем более после пресловутой «пятницы», и в растерянности остановился на «проезжей части».

Поздно заметивший пешехода возница смертоносной колесницы натянул вожжи, останавливая не менее сонных лошадей, отчего их тормозной путь должен был оказаться как мини-

мум в два раза длинее и намотать пешехода на бешено вращающиеся, благодаря хитрому механизму, лобовые ножи.

Казавшийся немного растерянным пешеход в отчаянии выставил перед собой бесполезную в этом случае трость с хрустальным шаром-набалдашником.

Колесница с вращающимися резаками неслась на незадачливого пешехода.

Пешеход стоял, вытянув руки.

Колесница приближалась.

А пешеход стоял.

И тут вновь случилась неожиданность.

С обеих обочин, словно по команде, к пешеходу метнулись ещё два человека (из породы тех, «со значком «ГТО», которых никто ни о чём не просит, но которые считают своим долгом вмешаться.). Эти ребята, схватив стоявшего за руки, попытались оттащить его каждый в свою сторону. Правда, из-за того, что вектора их сил были примерно равны по значению, но различались по направлению на сто восемьдесят градусов, из этой их безумно-храбро-самоубийственной затеи ничего не вышло.

Теперь уже вся троица грозила в ближайшую долю секунды превратиться в свежеразмолотый фарш.

И тут в третий раз случилась совсем уж неожиданная неожиданность.

Колесница, не достав своими ножами какие-то сантиметры до лихой троицы, вдруг стопорнулась, словно на невидимую стену наткнулась, и, сделав грандиозный кульбит вместе с пассажирами и лошадьми, перелетела через троицу и приземлилась на свои колёсо-копыта аккуратно за их спинами. Ошалевшие коняги, сообразив, что дело тут нечисто, без дополнительной команды рванули в сторону видневшейся заставы, увозя в колеснице приходивших в себя возницу с арбалетчиками.

Царская же лимузинная карета, имевшая большой удельный вес и менее сонного кучера, остановилась за несколько саженей до троицы, но так, что её тоже немилосердно трянуло со всем содержимым внутри и развернуло на дороге.

– Ша-а залётные! Кто посмел государю-батюшке дорогу перекрыть?! – выглянув из кареты, грозно заорал на незнакомцев Годунович. – Кто себе приговор высшей меры подписал!? – пушкари уже навели мортиру на виновников переполоха, но пулять не решались из-за близины царского транспорта. – Стоять на месте! Одно движение влево, вправо – и вам крышка! Вы совершили бо-ольшую ошибку, холопы чёртовы!

Тройка пешеходов, молча, смотрела на захлёбывающегося руганью боярина.

– Кто там? – потянул государь боярина за рубаху.

Тот обернулся к сидевшему в сонной печали самодержцу и, бросив тому: «Кажись, бродяги случайные», опять напустился на «бродяг».

– Слышь, Борисыч, – вновь потянул царь Годуновича за одежду. – Ты давай это, не бранись почём зря, скажи стражам, пушай повяжут этих, да в дворцовую темницу покуда бросят, уа-ах, – зевнул монарх и потянулся, – выспимся, а вечером под трибунал этих бродяг и за попытку переворота вздёрнем.

– Как за попытку переворота, – вздрогнул боярин (неужели не разглядел в этих бродягах повстанцев партизанствующих!).

– Так, за попытку переворота царской кареты, пускай даже и случайную, – пояснил государь и прикрыл свои ясны очи, дав понять, что тревожить его больше не стоит. – Да! – приоткрыл самодержец левое око, – и распорядись, пушай покудова обыщут, обезоружат, если есть что при них, а по прибытии в разные камеры рассадят, дабы подозреваемые тайного сговора между собой не учинили.

Сообразив о чём речь, Годунович сначала мысленно отдал дань царской прозорливости, а затем только отдал соответствующие распоряжения стражникам и, только когда лично убе-

дился, что все возмутители его и царского спокойствия приторочены в связанном виде к замыкающему транспорту, разрешил кортежу продолжить движение.

Неразговорчивые «бродяги» поплелись навстречу своей незавидной судьбе-злодейке в арьергарде гужевой колонны.

Подремав на скорую руку часов эдак восемь-десять, царь-батюшка соизволил откусать обильного низкокалорийного ужина и велел подать «тройной десерт» к столу государственному.

Начали, было, повара-стряпчие головы ломать сначала над словом мудрёным, затем над тем, что под него подогнать можно, и уже решили чарку одеколona отечественного разлива преподнести самодержцу в качестве десерта, но более начитанный Годунович, посоветовав им «не путать десерт с аперитивом» и вообще оставить головы в покое, отправил воеводу внутренних дел за подозреваемыми в попытке переворота для привлечения к царскому суду – самому гуманному и скорому на вынесение решения суду в мире.

Когда доставили троицу пред строгие очи государевы, уже более внимательно рассмотрели их самодержец и компания.

Подозреваемые стояли в шеренгу перед государем, и совсем без страха (что, естественно, не пришлось по душе царю и другим вельможам) и даже малейшего упрёка смотрели на царя и его грозное окружение. Первым в шеренге стоял пожилой мужичок в глухом запylённом плаще, с проплешиной на широколобой голове и с хитрой искрой в глазах.

Подле него, стоя в гимнастической стойке, рассматривал хоромы царские простолицый русоволосый юный здоровяк в лаптях, шароварах и косоворотке, подпоясанный расшитым кушаком. Замыкал шеренгу смуглый широкоплечий хлопчик в кожаных сапожках, красной шёлковой рубаше, парчовой жилетке и с золотой серьгой в левом ухе. И если физиономия первого тянула как минимум на кандидатскую, выражение лица второго – на среднестатистического пэтэушника, то третий тип, по градации мистера Чезаре Ламброзо, мог бы занимать нишу где-то между уголовником-рецидивистом и начинающим серийным маньяком, а шрам на смуглом лице придавал оному и вовсе свирепый вид. В общем и целом, эти подозрительные личности, по сути, были типичными представителями соответствующих социальных прослоек: интеллигенции, рабоче-крестьянского класса и индивидуального малого бизнеса.

Вместе с подозреваемыми в попытке переворота царю были представлены наспех собранные досье на этих самых подозреваемых.

Владибор Ильич, наглядевшись на подозрительную троицу, придвинул к себе первое «личное дело», на котором размашистым почерком воеводы государственной безопасности было написано «Василевс Премудрый: алхимик, маг, звездочёт». Пролистав «дело», государь не нашёл ничего интересного: положительная характеристика с последнего места проведения магических ритуалов, справки от участкового дружинника, отзывы от «коллег» колдунов, справки, сертификат мага третьего разряда, разрешение на индивидуальную колдовскую деятельность, короче, одни бюрократические писульки.

Не обратил только царь внимание, что в биографии алхимика отсутствовало упоминание о нескольких годах жизни (словно нарочно забыл вписать), которые тот провёл в подземельях Питиримского ордена, горных пещерах Аламбалы и безводных пустынях Гомибии, постигая древние знания трёх «теликов»: телепатии, телекинеза и телепортации.

Второе дело было озаглавлено «Яков Сероволк: хулиган, карманник, конокрад». В этом досье было уже побольше интересного: неоднократные приводы в народную милицию за угон скота, дебош на ярмарках, перекупка краденого, пережиг тавро и перекраска коней для последующей перепродажи и т. д.

Но в деле ни слова не было сказано о том, что круглый сирота Яков Сероволк воспитывался дедом-оборотнем, который, в пьяной потасовке с вампирами получив раны не совмести-

мые даже с такой необычной жизнью, перед смертью не смог передать свою силу внуку. Вместо того чтобы больно укунить Сероволка, старый оборотень лишь сентиментально поцеловал в лоб юного Якова и испустил дух. Оттого и характер у цыгана, лишённого силы оборотневой, был волчий. Несло от него как от волка, сводя с ума окрестных собак, ещё он не мог не сдержаться, чтобы в полнолуние не завывать на луну, и хоть был храбр, ловок и силен, но на большее ему рассчитывать не приходилось.

В третьем деле, подписанном «Иван Царевич – разнорабочий», так и вовсе почти пусто было, ни тебе справок из ЖЭКа, ни тебе копии метриков из родильного теремка. Это-то, и не только это, показалось царю довольно подозрительной уликой.

– Что же, как говорят в нашем насквозь лживом окружении, рад вас видеть! – недобро пошутил государь Владибор и его «окружение» вежливо захихикало. – Тут написано, что ты, парень, не кто иной, как Иван Царевич собственной персоной? – нахмурившись для проформы, спросил царь у русоволосого здоровячка. – Так вот ответь мне, с какого это перепугу у нас «Царевичи» разнорабочими подражаются? И вообще, какой ты «Царевич», коли аз есмь царь, а наследников у меня нет.

Никак Лжецаревич самозванный, переворот хотел устроить, и к этому делу крамольному колдуна-бесопоклонника и вора-мошенника подговорил, – не на шутку распалился самодержец. – Ай-яй-яй! Бесстыдники! Отрубить лжецу голову! Конокрада повесить! Колдуна на костёр! Да, да, да! – перевёл он взгляд на оторопевших бояр, – и не смотрите на меня, как нерадивые школяры на собирательный образ руководителя державы. Азм есмь единоначальник и верховный главнокомандующий в едином лице. Выполняйте!

Такого скорого, царского, самого справедливого и гуманного суда в мире, никто, даже близко знавшие царя вельможи, не ожидали. Подсудимые же если и удивились, то виду не подали, а один из них только голос подал.

– Не вели казнить, государь, позволь слово молвить! – попросил Иван Царевич слово правозащитное произнести.

Годунович, ошивавшийся рядом с государем, посоветовал всё-таки не рубить сплеча и дать возможность оговорить. то есть защитить самих себя подсудимым («хотя бы пусть попытаются для виду»).

– А и ладно, хрен с вами! – великодушно согласился государь-батюшка.

– Только поклянитесь говорить правду, одну лишь правду, искреннюю правду, горькую правду, короче, ничего кроме правды.

Боярин министерства юстиции поднёс к подсудимым государственную книгу «Конституция сказок и приключений», на которой все трое и поклялись говорить «короче, ничего кроме правды».

– Теперича излагай, с чем не согласен, – соизволил царь Ивану Царевичу.

– Перво-наперво насчёт фамилии Царевич пояснение хочу дать, – выступил с речью Иван. – Фамилия эта была пожалована моему прадеду Емеле, по шучьему велению высочайшему за существенные заслуги перед царевной-щучкой. У меня и документ имеется. В нашем же государстве, фактически уже просвещённом, отправка на плаху за имяние звучных фамилий, есть косвенное ущемление прав человека. Недаром легендарный Илья – защита и опора земель покорённых, установил у нас в качестве политического строя самодержавную демократию.

Царь озадаченно переглянулся с Годуновичем – гляди, мол, боярин, какой подкованный малый, хоть с виду простак простаком. Годунович тоже ответил государю не менее красноречивым взглядом – мол, царь-батюшка, его речи не то чтобы самодержавной демократией, а скорее монархической анархией пахивают и с этим надо что-то делать.

– Слышь, адвокат, – перебил Ивана Годунович. – Слишком складно поёшь. Сдаётся нам, мил человек, что, не из этих ли ты, не из Рабовиче-Кребрамовичей? Понаехали, понимаешь, сюда!

– Я вообще из глухомани деревенской! – ответил Иван нахмурясь, не любил он, когда его подозревали в том, чего не делал. – С обозом пришёл. На мир посмотреть, себя показать, наукам мудрым обучиться, чтобы не только носы ломать супостатам, а и ума-разума набраться.

– Ишь ты, студент, что ли? – удивился царь. – А что ты на это скажешь?

– государь кивнул воеводе государственной безопасности и тот разложил перед подсудимым молоток, серп и духовую трубу – горн. – К каким наукам эти «учебные принадлежности», – указал царь на холодное оружие и сигнальную трубу.

– Хм! – озорно хмыкнул Царевич. – Так я же дипломированный швец, жнец и на дуде игрец. Молоток – самое верное средство для ремонта швейно-ткацких станков нашего производства. Серп – наиболее экономичный сельхозинструмент при уборке урожая. Труба же вещь незаменимая на разного рода празднествах, корпоративах, юбилеях как в составе ансамбля, так и соло. Мундштук вынул, вот тебе и рупор громкоговорительный, на место всунул – и дуди, хошь заунывный марш Мендельсона, хошь похоронную польку-бабочку.

– Так-так, и откуда они у тебя? – искренне заинтересовался государь непростым простаком Иваном Царевичем.

– Молоток мне подарил мой первый учитель, бродячий швец, по прозвищу Храбрый Портняжка.

– Это тот, который «семерых одним ударом»? – вклинился Годунович, слыхивал он байки про бродячего модельера.

– Восьмерых! – поправил Иван боярина. – Это про него сказано, – не стал лукавить.

– Ну-ну, – кивнул государь. – А серп откуда спёр? Правду говори, парень, не ври.

– Серп именной, – пояснил Царевич. – Второго преподавателя презент. Слыхали, небось, про агронома-управляющего Балдуева, который бригаду поповскую в лидеры по производству зерновых культур вывел.

– Как же не слыхали, – вставил словечко Годунович. – Его ферма на всё среднечерноземье славится.

– Так вот, серп он мне на память о прохождении курса лекций по сельхозкультурам преподнёс, – с тёплыми нотками в голосе произнёс Царевич.

– А на дуде где играть научился? – поинтересовался государь крайним артефактом. – Или так, для солидности таскаешь с собой?

– Отчего же для солидности, коли развяжете, я и подудеть смогу заковыристо, – ответил Иван, поведя затёкшими руками за спиной.

– А и развяжите его! – приподняв сползшую на лоб корону, отдал государь распоряжение.

Воеводы исполнили указание и отошли на всякий случай подальше от Царевича.

Иван взял горн, размял круговыми движениями губы и, приложившись к духовому инструменту, затрубил что-то вычурное из поздних произведений Штраус Ван-Бах Моцальери, иноземного композитора-менестреля, чем немало удивил государя, который, как и его придворные, едва сдержался, чтобы не пуститься в пляс.

– Ну, так и я могу, – разочарованно протянул абсолютно не обладавший слухом Годунович, после того как царь знаками показал Ивану перестать дудеть. – А ты «Дубинушку» можешь?

– Раз дунуть! – уверенно сказал Иван, но царь, поверив парню на слово, разрешил ему не дудеть. Правда, всё-таки поинтересовался, где он так наловчился с дудой управляться.

– Так это мой третий учитель Клаус Трубак так меня выпестовал, что я и с закрытыми глазами любую рок-оперу через трубу виртуозно выдую.

– Молодчина Иван! – не сдержался государь, похвалил подсудимого. – Только ответь мне как на исповеди, зачем всё же переворот учинить хотел, зачем с колдуном и конокрадом в сговор преступный вступил? Ты же перспективный студент!

– Да никакого переворота мы не мыслили, – честно глядя царю в глаза, ответил Иван. – Я вообще этих двоих сегодня в первый раз увидел там, на дороге, – повёл он глазами на стоявших по бокам нечаянных «сообщников».

– Не ври царю, Ваня! В глаза смотри! – топнул ногой самодержец. – Говори тогда, зачем на пути кортежа царского оказался.

– Да я на каникулах сейчас, решил по знаменитому «Чернобору» попутешествовать по-студенчески – каретостопом, – преподнёс свою версию Царевич. – Уже возвращался назад в наш мир, дай, думаю, последнюю ночь проведу там, тем более праздник «Пятница, 13», думал, когда чудес ещё посмотреть получится. Вот и решил сделать привал на обочине. А когда проснулся от шума вашего кортежа, да увидел стоявшего на его пути беззащитного человека, не раздумывая бросился на подмогу попавшему в беду страннику. Вот и весь «заговор».

Царь задумался. Тут ещё Годунович на ухо нашептал, что по показаниям стражников Царевич и Сероволк выскочили из леса именно к колдуну и, как им показалось, действительно пытались перетянуть последнего каждый в свою сторону, а это означало, что.

– А как тогда ты, цыган, оказался в нужном месте, в нужный час? – посмотрел государь на Якова Сероволка. – Говори, ну?

Сероволк нервно мотнул кудрявой с проседью головой, но посылать куда подальше не решился, царь всё-таки, а, взяв себя в руки, поведал свою версию происшествия.

– Я по утрам охочусь в тех местах на зайцев.

– С этим, что ли? – кивнул государь на изъятый при обыске цыгана нож засапожный с наборной рукоятью и узорным кровостоком.

– С ним, государь! С ним родимым! – с нежностью посмотрев на нож, оскалился Сероволк.

Годунович подал знак, и стражники на всякий случай обступили цыгана.

– Так-так-так, – заинтересованно наклонился вперёд самодержец. – И что же дальше?

– Гоняясь за дичью, учуял я терпкий такой аромат беды со стороны дороги, – продолжил Яков и, злобно посмотрев на Ивана и колдуна, вздохнул тяжело. – И дёрнул же меня чёрт свернуть в ту сторону. И ведь, что характерно, никогда в жизни на доброе дело не тянуло, а тут на тебе, ещё и в политику вляпался.

– С кем не бывает, – снисходительно произнёс государь, поверилось ему, что и конокрад «истину глаголет».

– Да ты пойми, государь милосердный, – в эмоциональном порыве рванулся было цыган навстречу самодержцу, но несколько копий, уткнувшихся в рубаху шёлковую, охладили его пыл. – Не скрою, есть на мне несколько статей уголовных да сроков условных, но в политику, тем паче в переворот государственный, я никогда не суну свой нос.

– Ладно тебе, цыган, отнекиваться, – отрепетированным движением грозно свёл брови царь. – На месте происшествия был? Был. Кортежу дорогу преграждал в составе группы лиц? Преграждал. Теперь отвечай перед законом за «дело доброе» или какое там ещё.

Сероволк глухо зарычал, склонил свою буйную голову и потряс в негодовании шевелюрой.

– А ты что скажешь по этому поводу, подозреваемый Премудрый? – обратился государь к колдуну. – По их словам выходит, что с тебя вся катавасия закрутилась.

Василевс Премудрый отвесил лёгкий поклон государю (как же, интеллигенция, язви его душу) и прямо ответил на поставленный вопрос.

– Не спорю, прозевал я ваш кортеж, государь. Задумался над смыслом бытия.

– На проезжей части не отвлекай внимания своего ничем иным, кроме дороги! – напомнил колдуну нарушенное правило воевода главной инспекции дорожно-пешеходного движения. – В противном случае, лишение права перемещения по дорогам, до двух лет.

Царь махнул воеводе, мол, не лезь со своими ПДДами окаянными, раньше надо было профилактикой заниматься.

– Вообще-то я не такой рассеянный обычно, – продолжил Василевс. – Просто ночь не спал, вот и замедитировал немного в пути.

– А куда ты, собственно, путь держал? – спросил царь, интересно ему стало, куда это так нужно было спешить колдуну, что даже на «автопилот» переключился.

– Я паломничество по аномальным местам совершаю, а наемни кузина моя Ягодка, – Годунович с царём удивлённо переглянулись, – приглашение прислала на черноторский шабантуй, приуроченный к пятнице 13 числа. На посту-заставе меня с досмотром задержали, документы изъяли и заставили, «оприничники» окаанные, фокусы им забавные до рассвета показывать.

– Развлекаются, значит, оприничники-пограничники на заставах? – грозно зыркнул государь на воеводу государственной безопасности. – Ещё и санаторно-курортные вам, бездельникам, подавай.

Воевода побледнел и, понимающе переглянувшись с другими силовиками, затаил лютую злобу на подчинённый личный состав.

– Продолжай, колдун, – дал «добро» ему царь на продолжение его собственной сюжетной линии.

– Да что продолжать, – пожал плечами Василевс. – Убежать с вашего пути я уже не успевал, но, находясь в пограничном сознании, решил, что успею переместиться силой мысли в безопасное место.

– О-о, ты обладаешь даром телепортации? – самодержец уважительно подтянул брови на лоб.

– Есть немного, – скромно потупив глаза, ответил Премудрый.

– Ну а чего же не телепортировался? – скривил ехидную ухмылку Годунович. – Зато колесницу царского кортежа кувыркнул через голову. Боевые лошади от твоей карусели до сих пор в стрессовом состоянии.

Кто их из шока выводить будет?

– Я смогу! – поднял голову Сероволк. – Пустите меня к лошадям.

– Ага! Тоже мне скорая ветеринарно-психологическая помощь! – вновь хмыкнул боярин. – Пусти к ним конокрада, потом и тебя, и лошадушек наших ищи-свищи как ветра в поле.

– Обожди, Борисыч! – остановил обличительную тираду ретивого боярина самодержец. – Дай колдуну договорить.

Василевс опять учтиво поклонился государю (куда бы деться, махровый интеллигент), в благодарность за вновь предоставленное слово.

– Я уже практически готов был к телепорту, если бы не эти «дети рабочих», – беззлобно улыбаясь, указал Премудрый на Царевича и Сероволка, – которые со своей несвоевременной подмогой сбили меня с панталыку. Хорошо, что я вспомнил кульбитное заклинание, иначе нас всех троих бы намотало на резак колесничные. Но всё равно спасибо вам, ребята, за попытку, – кивнул колдун своим товарищам по несчастью (нет, ну точно интеллигент). – Несмотря ни на что, я весьма вам признателен.

Царевич в ответ широко улыбнулся, обнажив белые здоровые зубы, а Яков Сероволк, оскалившись, только пробурчал что-то неразборчивое.

В принципе царь уже сложил все пазлы этого громкого дела, и картинка получилась совершенно безобидная. Можно было смело посчитать эту троицу невиновной и, приговорив к неделе общественных работ, затем отпустить на все четыре стороны. Однако такое недальновидное добро могло негативно сказаться в будущем и аукнуться злом. Если жестоко не наказать этих сегодня, завтра толпы людей и нелюдей безбоязненно ползут под колёса царской кареты,

и в конце концов устроят настоящий переворот со всем вытекающими, ну, в лучшем случае, выползающими последствиями.

Посидев ещё несколько минут в глубоком раздумье, царь встал со своего трона.

– Итак, взвесив всё «за» и «против», выслушав все стороны, верховный суд в моём лице приговаривает виновных в попытке переворота. – тут государя отвлék неугомонный Годунович, потянувший его за рукав.

– Царь, обожди, обожди приговор оглашать, – суетливо зашептал ему на ухо боярин. Знал, коли озвучит государь приговор, какой бы то ни было, обратного хода ему уже не будет, и тем паче, никаких апелляций.

– Что ещё? – недовольно скривился Владибор Ильич.

– Я только сейчас всё понял, государь, выслушай меня, – сложив ладони, с мольбой в глазах воззрился на царя Годунович, которому в ходе суда и следствия пришло в голову озарение.

– Говори! – нетерпеливо дёрнул плечом царь, не нравилось ему, когда вот так душещипательно смотрят на него подчинённые.

– Это же те самые герои, про которых говорила Баба-Ягодка! – высказался боярин и закивал своей довольно сомнительной догадке.

– С чего это ты взял? – ещё раз придирчиво осмотрел государь стоявшую пред ним троицу.

– Всё сходится! – торопливо затараторил Годунович, пока царь не прогнал его за такие предположения. – Колдуна ведьма вызвала?

Ведьма. А Царевич с Сероволком там как оказались? Наверняка, тоже ушлая ведьма подстроила. Она нам перед отъездом обещала найти не одного, а троих героев? Обещала. А как ещё понимать всё это? Точно, ведьмины проделки!

– Скажешь тоже, герои, – уже с меньшим сомнением ответил царь. – Колдун, который путает заклинания, цыган, от которого волчицей за полверсты прёт и этот студент рабочекрестьянского происхождения.

Они и по отдельности представляют опасность для общества, а вместе вообще гремучая смесь.

– Вот! Вот! – заулыбался Годунович. – Я что и говорю. Этих и надо за царицей отправлять. Пушай какую-никакую вину, в крайнем случае, кровью искупят. А ежели и пропадут на чужбине, такого «добра» не жалко. Тем паче, по последней переписи у нас переизбыток колдунов, жнецов, швецов и воров, а вот по богатырям недостача существенная. Немного статистику улучшим в этом плане, глядишь, и вероятные противники призадумаются.

Государь в свете последних умозаключений боярина уже под другим ракурсом взглянул на подсудимых. И впрямь, интересная троица: стоят твёрдо, смотрят смело (цыган, зараза, даже нагло), выглядят внушительно, если не сказать, колоритно – почти как три богатыря.

Ай, была не была! Не зря же ведьма старалась, сводила вместе эту странную троицу.

– Повелеваю! Вместо работ каторжных долголетних отрядить сих виновников в Аркфрику, на поиски и выручку царицы-матушки Надежды! – закончил свою ненадолго прерванную мысль государь и хряснул кулаком по столу. На положённой пред ним скорописным писарем бумаге с проектом приговора осталась чёрная гербовая печать с царского гербового перстня – двухглавый медведь, наступивший лапой на горло белоглавному орлану (никакой политики, просто царю картинка на конкурсе гербов понравилась, вот он её и выбрал). Печать сия означала, что приговор обжалованию не подлежит и должен быть применён к правонарушителям в полной мере.

– Лучше уж на каторгу, – проворчал Сероволк, поняв, в какую передрыгу влип.

– Хорошо, цыгана на каторгу, – запросто согласился царь, впервые изменив своему окончательному решению.

– Я это так, к слову, я за царицей тоже пойду, – востепенно Сероволк, лучше уж такая воля, чем вообще неволя.

– То-то же, не лезь в «Бутырку», попадёшь в «Кресты», – сурово пригрозил ему пальцем самодержец и обратился к двум другим «приговорённым». – Кому ещё «лучше на каторгу»?

Премудрый и Царевич, находившиеся в здравом уме и светлой памяти, отрицательно замахали головами.

– Вот и ладненько, – потёр руки государь-батюшка, радуясь, что герои особо не огорчились такому «приговору». – Считайте, вам честь высочайшая оказана – царицу из полна вражеского вызволять, – цыган порывался что-то опрометчиво ляпнуть, но, встретившись с многозначительным взглядом царского палача, благоразумно промолчал.

– Да и страны чуждальные посмотрите, – продолжил царь формировать позитивный настрой у великолепной тройки «почти богатырей» на предстоящее предприятие. – Ты, Премудрый, своё паломничество завершишь. Ты, Царевич, на другой мир помотришь, себя покажешь. Тебе же, Сероволк, вообще развеяться надо, да и с образованными людьми в пути общаться будешь. Глядишь и вовсе нормальным человеком станешь. В общем, так, сейчас вас на кухню сведут, покормят, затем на склад за обмундированием. За ночь мой боярин иностранных дел пачпорта заграничные на ваши имена оформит, да ксивы служебные заверит тайными рунами, а с утра, утро ведь вечера мудреней, вам ли не знать, так вот с утра двинетесь в путь ироический.

Воевода ратных сил и средств кашлянул незаметно и показал на лежавшее возле государя «Уложение о воинах и иже с ними», писанное ещё в незапамятные времена кровью приходивших «с мечом» супостатов.

– А, да! Чуть не забыл! – вспомнил ещё одну деталь, самодержец, раскрыв книгу. – Слушайте и запоминайте! – Владибор окинул грозным взглядом весь тронный зал и дождавшись мёртвой тишины зачитал нужные строки, – «Статья первая. Пункт первый. Богатырь – есть лицо, состоящее на особой государственной службе, пользующееся непререкаемым авторитетом среди остальных ратников и гражданского населения, и имеющее почётное право ведения самостоятельных боевых действий супротив многократно превосходящего числом врага лютого, с возможностью переноса театра военных действий на территорию врага и с обязательным отчётом после окончания оных действий. Пункт второй. Богатырь обязан быть примером остальным дружинникам в службе ратной, а также для всего отечественного населения защитой и надёжой; откликаться на мольбы о помощи, стенания и плач любого происхождения и силы, неважно, направлен он к нему, или нет, до победного конца разбираться в ситуации, наказывая виновных, не давая в обиду невинных, сирых и убогих. Пункт третий. Житием своим праведным и добродетельным богатырь должен добиваться того, чтобы его жизненный путь был воспет в былинах, сказаниях или летописях. Не создавать ненадлежащими поступками предпосылки упоминания о себе в таких элементах устного народного творчества как басня, частушка или анекдот. В противном случае данный богатырь может быть разжалован и изгнан со службы государственной, с лишением всех заслуг и регалий». Вопросы есть?

– Разрешите уточнить? – поднял руку Иван Царевич.

– Спрашивай, Ваня, спрашивай, – благосклонно кивнул царь, этот юноша ему, определённо нравился, при хорошем воспитании из него бы мог получиться неплохой витязь (если кто не в курсе, специальное звание «витязь» присваивалось только наиболее заслуженным богатырям, которые вместо обычного красносуконного плаща, выдававшегося сроком на два года, ежегодно получали по выделанной тигровой шкуре).

– А нам что и кольчугу, и шеломы выдадут?

– А то! – улыбнулся государь-батюшка. – По желанию богатырь может получить полный комплект снаряжения в своё пользование. А туда входят: богатырский конь с полной аммуницией от стремени до узды, щит, меч, копьё, лук, колчан с полным боекомплектом стрел, булава,

кинжал, клевец, алебарда и пороховой пистоль с одним зарядом крупной картечи. Пистоль, я надеюсь, вы знаете зачем?

– Не-а!

– Наши богатыри во вражий полон не сдаются! – с пафосом произнёс государь и откинулся на спинку престола. Приговорённые к подвигу невесело переглянулись. – Теперь ясно?

– Теперь ясно! – ответил цыган и обратился к Владибору со встречным вопросом. – А что ежели я откажусь получать казённое имущество и пойду в поход в своих поношенных «доспехах»?

– Не возбраняется! – сказал государь. – Да и в казне, в таком случае, больше злата-серебра останется.

Государь весело засмеялся своей остроумнейшей шутке, его искренний смех синхронно подхватили бояре, не первый год слышавшие эту исключительно забавную прибаутку. Царь перестал смеяться, и придворные дружно оборвали свой отрепетированный гогот на самой верхней ноте. В зале вновь воцарилась заискивающая тишина.

– Ещё вопросы имеются? – переспросил самодержец, надеясь, что уже нет.

– Да! – поклонился Премудрый.

– Слушаю!

– Можно мне трость свою забрать?

– А мне нож? – попросил цыган.

– А мне мои причиндалы? – попросил Царевич.

– Конечно! – кивнул государь и обратился к своим вельможам. – С этой минуты повелеваю: данных лиц из-под стражи освободить, изъятые «вещдоки» вернуть, сытно-плотно накормить, обоюдный двусторонний контракт подписать, свести на склад, затем выделить каждому средств финансовых золотом в качестве подъёмных за подписание контракта и походно-командировочными снабдить в дорогу дальнюю. С утра наши воители отправляются царицу вызывать!

В тронном зале прогремело троекратное боярско-воеводское «Ур-ра!».

– А я теперь ненадолго удаляюсь с сюжетной линии, уступая место нашим героям! – произнёс государь и, оставив новоиспечённых героев на попечение своих вельмож, в сопровождении боярина Годуновича покинул тронный зал.

Воевода ратных сил, а также бояре иностранных дел, экономики и финансов, юстиции и социального обеспечения разобрали новоиспечённых богатырей для проведения необходимых предпоходных процедур, а остальные вельможи наострились в ближайший кабак – обмыть своих и царицыных спасителей. Так сказать, дорожку «богатырям» смазать.

К слову сказать, никто из троицы так и не облачился в богатырскую форму одежды. Сероволк наотрез отказался примерять «красноэполетный макинтош», как он обозвал кольчугу с защитными бляхами на плечах, ссылаясь на то, что ему «по понятиям» не положено и одни «эполеты» у него уже в виде наколок на плечах имеются. Василевс не стал привередничать, примерил аммуницию, однако вес «бронеодежи» его смутил, а тяжесть меча и палицы, так и вовсе обескуражила. Поэтому колдун тоже отказался от положенного вещевого имущества, даже кинжал не стал получать. Иван Царевич, в отличие от своих братьев, весь склад перевоорошил пока нашёл более-менее подходящую по размеру кольчугу, но и она, как назло, сильно сдавливала его широкую рабоче-крестьянскую диафрагму, мешая дышать полной грудью. А как мы знаем в бою «дыхалка» для ратника наиважнейшая вещь, а если удирать придётся, тогда вообще дело швах. В общем, Ване тоже пришлось отказаться от стального обмундирования, а оружие он не взял из солидарности с товарищами. Так и остались они, каждый при своих «доспехах», что в принципе было не так уж важно. Главное, что их снабдили заграничными пачпортами и служебными ксивами, где чёрным по серому (качество бумаги тогда было ещё

неважное) было написано, что отныне они самые что ни на есть богатыри, защита и надежда земли родимой.

Уже установилась глубокая ночь. Во дворце все спали, даже Яков Сероволк, отпросившийся на полчасика в лес жутко повить на луну, привычно храпел на голом полу рядом с выделенными ему полатами, а молодящаяся ведьма, Баба-Ягодка, всё ещё листала свои колдовские фолианты в поисках подходящих героев для милостивого государя-батюшки.

2-я часть: Про то, как «расхлёбывалась каша»

Едва забрезжил рассвет, ретивые воеводы уже растолкали невыспавшуюся троицу и, как говорится, «ни свет, ни сумрак, ни заря», отвели к государю. Снабдив последними инструкциями по мерам безопасности и правилам поведения за «бугром», царь благословил их крепким словом отеческим и торжественно отправил в путь-дорожку.

Закинув дорожные торбы за плечо, наши богатыри вышли за ворота кремлёвские и, пройдя через сонный посад с перекликавшимися на заборах петухами, покинули град стольный по перекинутому через широкий ров мосту, около которого исправно маршировали привратные стражи.

Пешком богатыри пошли.

Хотя расщедрившийся государь предлагал им выбрать коней даже из личной конюшни, «миссионеры», подговорённые колдуном-алхимиком («я знаю очень короткий путь, и лошади нам лишь обузой будут»), частично скрипя зубами (понятно, да, кто?) отказались.

Но недолго шли они пешком. Лишь скрылся за деревьями царский дворец расписной, с царём и боярами на резном балкончике, как свернули странники с проторенной дороги и следом за Премудрым пробрались через дебри на близлежащую лесную полянку.

– И что дальше? Чего мы сюда забрались? – с недовольным видом посмотрел на колдуна Сероволк. – Медведей седлать будем? – цыган всё не мог уговорить, что дал уговорить себя колдуну отказаться от царских коней отборных. – На хорошем коне я бы уже границу с Аркфрикой пересекал! И что я тебя послушался?

– А то, молодой человек, – спокойно, без лишних эмоций ответил Василевс, расчерчивая круг в центре поляны. – Что с помощью моих эзотерических знаний мы в мгновение ока перенесёмся в то место, где нынче томится царица. И не надо никуда скакать неделю, ляжки себе сёдлами натирать.

– Посмотрим, как это у тебя получится, – сомнительно покачал головой Сероволк и с силой втянул носом воздух. – Деревня рядом, – произнёс, идентифицировав множество присущих этому населённому пункту запахов, – может, пока не поздно, пойдём туда, договоримся, лошадей купим, чем с магией твоей связываться? Чую я добром \то не кончится.

– А может, к царю вернёмся да коней попросим? – предложил молчавший доселе Царевич. – Чего зазря платить за коней, когда лучших бесплатно можно взять.

– Нет, назад не пойдём. Возвращаться – примета дурная, да и гордость мне не позволит, – пояснил цыган причину отказа.

– Никуда мы не пойдём, – сделав необходимые магическо-математические расчёты в голове, сказал Премудрый. – Не пойдём, а телепортируемся, то бишь переместимся в желанную точку. Просто делайте, как я говорю, и всё у нас получится.

– Это как? – дружно поинтересовались его соратники.

– А так! – плавным прикосновением руки согнул колдун трость свою из крепчайших железосодержащих сплавов. – Надо встать в круг и всем троим взяться за магическую трость. Далее, все сосредоточимся на цели нашей миссии – на царице Надежде. Я вижу, ваши астралуры очень сильные. Я прочту необходимое заклинание и, объединив наши мысленные усилия, мы сможем совершить скачок в самое сердце Аркфрики, туда где нынче томится царица. Итак, встаньте парни, встаньте в круг.

Царевич и Сероволк послушно вошли в магическую фигуру и взялись за трость колдуна.

– Закройте глаза! – скомандовал Премудрый. – Теперь представьте, как великая космическая сила тёплым ветерком входит в ваши тела через мозжечок, сочится по шейным позвонкам, перетекает в руки, струится с пальцев искристыми струями, окутывая аккумулирующую её трость.

Внимая словам колдуна, мужчины почувствовали, как по телу растеклось приятное тепло, а руки стало колоть сотнями невидимых иголок.

– Теперь представьте нашу цель! – посоветовал Василевс и зашептал магические формулы телепорта.

С каждым его словом трость в руках трёх человек накалялась всё сильнее и сильнее, а с крепко сжимающих её рук скользкими змеями срывались голубые молнии, заряжая пространство внутри круга. В воздухе сильно запахло озоном. В центре круга закрутился маленький смерч, который всё расширялся и расширялся, пока не заполнил весь круг и не скрыл в своём туманно-сером чреве троих человек. Спустя мгновение раздался локальный раскат грома, в центр смерча с чистого неба ударила молния. Смерч рассеялся, а на поляне уже никого не было, только выжженная земля аккуратно по границам вычерченной колдуном фигуры.

По всем признакам выходило, что телепортация нашим героям удалась.

* * *

Когда мгла вокруг колдуна и сотоварищей рассеялась, они, в первую ошупав себя («всё вроде бы на нужных местах сформировалось»), не преминули оглядеться по сторонам.

– Ужели, в далёкой заснеженной Аркфрике темницы для высокопоставленных особ так схожи с нашими хлевами? – предположил Царевич, осмотревшись по сторонам. Место больше всего походило на коровник или сеновал, так как вокруг было много сена и невыносимо пахло коровьим навозом.

– Надеюсь, ты ничего не перепутал, кудесник? – оскалившись, прорычал Сероволк и прикрыл глаза от яркого света, его инстинктивное движение повторили и товарищи по удаче (или несчастью, короче, с какой стороны посмотреть), так как дверь того помещения, в котором они материализовались, открылась, и солнечные зайчики утреннего солнца игриво заиграли на их обескураженных лицах.

– Воры! Воры! – закричала во всю свою мощную грудь ядрёная деревенская баба и зафиндилила пустым ведром в ближестоявшего к ней колдуна. – Спасите! Помогите! Грабют! Насилуют! – продолжала сигнализировать она односельчанам, одновременно высматривая, чем ещё можно отбиться от непрошенных гостей. Но только её решительный взгляд наткнулся на стоявшие подле входа вилы, как слегка контуженный метким попаданием Василевс, сообразивший, чем её вторая находка может грозить непосредственно его пошатнувшемуся здоровью, отчаянно взмахнул тростью в направлении голосащей бабы и, крикнув магическое «Баста-а-айс!», навлёк на женщину замораживающий столбняк. Застывшая селянка с занесёнными над головой вилами стала похожа на статую разгневанного Нептуна, в переднике и с грудью пятого размера, но улыбок у троицы не вызывала. Быстро сориентировавшийся в экстренной обстановке Сероволк подскочил к дверям, выглянув наружу, внимательно оглядел подступы к сараю, и, соответственно, возможные пути отступления. Пока на объявленную бабой тревогу никто не мчался сломя голову.

– За мной! – скомандовал цыган. Протиснувшись мимо ледяной бабы-статуи, он сиганул через забор и седой стрелой помчался в сторону леса.

За ним без оглядки засверкал пятками в сторону леса Василевс Премудрый.

– А как же доярка? – крикнул ему вслед Царевич, не решаясь бросить в таком состоянии «беспомощную» женщину. – Расколдовать бы!

Однако, заметив как в стремительно оттаивающей женской руке, угрожающе закачались вилы возмездия, благородный юноша Иван понял, что для хозяйки хлева на этом чудеса жизни никоим образом не заканчиваются, и благоразумно метнулся за спутниками. Когда Царевич нагнал своих товарищей, раньше его скрывшихся в лесу, его взору предстала следующая картина: Яков Сероволк, скуля и кашляя от душившего его смеха, катался по траве, а Василевс

Премудрый невозмутимо сидел под дубом в позе лотоса и, то и дело, прикладывал набалдашник волшебной трости к вздувшейся на лбу шишке, виновницей коей было пустое (и это еще, слава богу!) ведро нервной селянки.

– Что это всё значит? – не понимая пока всей трагедии происшедшего, спросил Царевич.

Цыган, немного успокоившись, но, всё ещё держась за живот, встал на ноги и, стараясь не смотреть на умиротворённое лицо мага, прояснил суть случившегося:

– Видишь ли, Ваня, по-моему, этот алхимик продал свою душу какому-то клоуну, – Яков не сдержался и вновь захохотал.

– Никому я душу не продавал! – медитируя в соответствующей позе, ответил колдун и вновь приложил шар к шишке. – Это всё из-за вас, темнота безграмотная! Сами виноваты!

Сероволк весело оскалился.

– Да, это наша вина, что послушались тебя «учёного». Чуть в хлеву от дояркиной руки не погибли.

– Знаешь что?! – открыл глаза Премудрый. – Если бы вы направили свои помыслы на царицу, а не на коней своих и зерновые, то мы бы не оказались в хлеву между коровами и фуражом. Сами телепортационную траекторию сбили, голубчики.

– Выходит, доярushка, которая тебя атаковала, та самая недоцарица, к которой ты мыслил телепортацию применить? – понял в чём «соль» Иван. – Право, ситуация неординарная.

Царевич переглянулся с цыганом, и они уже дружно засмеялись над колдовским «фокусом». Хотел Василевс их наказать за такое непочтение к его персоне: в лягушек там превратить, или диарею наслать, но в подписанном им контракте одним из первых пунктов было обещание «подлянок сподвижникам не чинить, а помощь всяческую оказывать не раздумывая». Поэтому, бессильный в данном случае, колдун мог только терпеливо ожидать, пока запас сарказма у его веселившихся попутчиков иссякнет.

Не прошло и полчаса, а с шутками и прибаутками над неудачной попыткой колдуна было покончено. Троица уже маршировала по лесной дороге строго на север, в направлении Аркфрики, оставив злополучную деревню далеко позади, а Сероволк уже на полном серьёзе давал указания алхимику.

– Значит так, Премудрый, – проговорил он, ловко срезая своим ножом одуванчики. – Ничего личного, но если ты ещё раз применишь свои колдовские штучки без согласования, я тебе, в натуре, горло перегрызу. А за коней царских ты мне ещё должен будешь.

Василевс, особо не слушая угрожавшего ему полуоборотня, шёл, погружённый в свои далеко не радужные мысли. Эдак, теперь ему до конца путешествия, думал колдун, быть центром прикола в этой несерьёзной компании. Хотя вина в просчёте была не только его, но всех «собак» этот полуволк навешивал на него как на инициатора проекта.

Чу! Из-за холма послышалось громкое ржание.

– Оба-на! Коня на лугу пасутся, – «унюхал» Яков любимых животных. – Целый табун резвых лошадок!

Глаза у цыгана загорелись дьявольскими огоньками.

– Мужики! – схватив шедших рядом спутников за рукава, взмолился цыган. – Давайте не будем дураками, купим лошадей да поедем спокойно. Дорога-то неблизкая. А я договорюсь с пастухами, у меня в округе они все знакомые, по дешёвке лучших коней, не коней – соколов ясных выберу. Давайте, а-а?

На этот раз обиженно молчавший Василевс отговаривать цыгана от «идефикс» не стал и сам особо не противился, а Иван Царевич с самого начала был непротив конной прогулки по свежему воздуху. Поэтому, скинувшись цыгану на покупку коней, каждый из своего единовременного жалованья, они сели передохнуть под деревом, ожидая, пока скрывшийся за холмом Сероволк не пригонит каждому из них по отборному боевому коню, свирепо грызущему стальные удила, который и полагается по статусу настоящим богатырям.

Ждали они недолго – Василевс только вторую мантру, в своей излюбленной позе нахراпывать начал, как послышался гулкий (словно в ведро брехали) лай многочисленной своры, перемежающийся с трёхэтажной руганью на чабано-пастушеском жаргоне. Видимо, в цене не сговорились, успел подумать Премудрый, когда на него выкатился из лопухов Сероволк и с криками «Братва, шухер! У них волкодавы некормленные и без намордников!», метнулся к реке. Поняв, что волкодавы, да и табунщики разбираться не будут, кто здесь прохладается: богатыри государевы или конокрады лихие, Премудрый с Царевичем сиганули следом за набедокурившим Сероволком. Как они реку переплыли, одному богу известно, только опомнились уже, когда повалились без сил за дальним пригорком, на котором цыган деловито сливал воду из своих сапог.

– Кто же знал, что у них там такая свора, – попытался объяснить Яков, с трудом выдерживая сурово-ироничный взгляд Василевса. – Да я красть лошадей не собирался. Просто проверить хотел, какие из скакунов лучше, тест-драйв провести намеревался, а не угон, как эти тупицы спросонья подумали.

– Вот, Вань, полюбуйся коневодом, – подбоченившись, съязвил Премудрый. – А ещё меня клоуном обзывал, мелкий жулик.

Цыган пристыженно склонил голову.

– Ладно тебе, Премудрый, – миротворчески улыбнулся Царевич. – С кем не бывает, – напомнил колдуну его недавнюю промашку, когда тоже еле ноги унесли.

– Согласен, всякое бывает, – Василевс нравоучительно воздел в зенит свой указательный перст. – Но этот прощельга ведь с нас ещё и деньги на воровство собрал. Это, каким, понимаешь, надо быть огульным рецидивистом!

– Точно! – нахмурился Иван и осуждающе уставился на Сероволка. – Как у тебя совести хватило Яша?!

– Мужики, мужики, я же реально хотел купить лошадей, – начал оправдываться конокрад со стажем. – Просто как встретился взглядом со скакуном вороным, так напрочь про всё забыл. Он смотрит на меня так, словно говорит: «Спаси меня, Сероволк, Сероволушка, уведи отсюда, худо мне в табуне...». Вот я и не сдержался.

– Слушай сюда, спасатель конский, – наклонился Василевс к цыгану. – Если ты ещё раз что-нибудь подобное выкинешь, я сам тебя в кобылу сивую превращу.

– Не дави на меня, колдун! Пуганный я! – оскалился Яков, положив ладонь на рукоятку ножа.

Колдун тоже отступать не собирался – переложил трость с тяжёлым набалдашником в правую ударную руку и упёрся ногой в камень, для устойчивости.

Видя к чему всё идёт, Царевич, та ещё здоровая детина, встал между ними.

– Так не пойдёт! – точно зная, что так не пойдёт, сказал Иван, и тоже положил свои большие ручки на рукоятки заткнутых за кушак серпа и молота, мол, если не угомонитесь, кто-то получит молотком по кумполу, а кому и серпом. достанется.

Присутствие третьей стороны, тоже обещавшего принять участие в разборках ни на чьей стороне, немного охладило горячих парней.

Увидев появившееся в глазах спутников сомнение, Иван добавил немного отсебятины.

– Давайте-ка больше не нервничать, – сказал Царевич. – Друг на друга косо не смотреть. Поставленную задачу выполним, а после уже разберёмся: кто, где, когда. А ты, Яша, должен помнить, что отныне ты не простой вор-рецидивист, то есть, теперь ты вообще не вор, теперь ты госслужащий – богатырь, состоящий на службе у государя-батюшки. И подобные провокации бросают пятно на весь государственный аппарат самодержца. Так что завязывай со своей сомнительной романтикой – угнал коня, перекрасил, толкнул, спалился, в острог – должностному лицу это совсем не к лицу. Так что, как там у вас говорят: дотопаем, назад, до хазы,

видно будет. Пойми, если бы нас словили и нашли ксивы служебные да пачпорта заграничные, знаешь что бы тогда в «Жёлтой бересте» нацарапали?

– Представляю, – вздохнул цыган, окончательно спустив парок.

– Вот то-то и оно, – довольный произведённым на спутников эффектом, улыбнулся Царевич. – Теперь «мирись, мирись, больше не дерись». Пожмите руки – и в путь.

Колдун и цыган, поглядывая друг на друга исподлобья, крепко, до хруста костяшек, пожали друг другу руки и вместе с «миротворцем» Царевичем продолжили путь в далёкую холодную Аркфрику.

* * *

Долго ли, коротко ли пешеходствовали наши герои, но после того как их обогнала, обдавая дорожной пылью, полудюжинная по счёту карета, Иван Царевич смекнул, как ускорить им своё перемещение в пространстве на данном оживлённом участке пути.

– Предлагаю продолжить путь каретостопом! – сказал Иван. – Остановим транспорт и попросим подбросить нас, покуда им по пути. Затем другой, и так можно до полярного круга допутешествовать. Там, глядишь, сани или собачью упряжку ещё остановим.

Ничего предосудительного в подобном предложении спутники Царевича не увидели и согласились продолжить путь на более удобном и быстром средстве передвижения, естественно, при условии, что Иван сам будет останавливать пролетающие мимо «нафаршированные» всякими опциями фаэтоны, шикарные тюнингованные кареты и двуколки-кабриолеты.

– Ладно! – согласился Царевич и, подойдя к обочине «проезжей части», выставил в сторону руку с поднятым вверх большим пальцем. – Сейчас я тормозну самый навороченный экипаж с юными прелестными барышнями и глухонемым ямщиком. Прокатимся с ветерком.

Гарантирую!

Остановившиеся рядом с Иваном товарищи с сомнением переглянулись, когда мимо них «просвистела» первая карета с «юными прелестными барышнями», но ничего не сказали. Правда, когда мимо глотавших пыль путников промчалась «...надцатая» повозка, Сероволк не сдержался и, глухо зарывав, грязно выругался ей вслед.

– Не смею с вами не согласиться, коллега, – интеллигентно поддержал колдун цыгана в его умозаключениях по поводу ориентации пассажиров кареты.

Поняв, что ещё немного, и уставшие ждать «у моря погоды» «коллеги» пройдутся и по его генеалогическому древу, Царевич ободряюще им улыбнулся и уверенно указал на приближающуюся карету.

– Это точно наш «экипаж команды боевой»! – почти пропел Иван и замахал рукой дремавшему в седле кучеру. – Меня интуиция ещё никогда в этом деле не подводила, – увидев, как карета стала замедлять ход, Царевич хвастливо заявил: – Ну, что я говорил?! Иван Царевич лапшу на уши.

* * *

Прославленный в славных баталиях и сечах «рубака-парень», воевода Козлов, вояжировавший с инспекцией по ограниченным дружинам, был в хорошем расположении духа. Приграничные стражи-ратники в качестве прощального презента преподнесли ему изысканную контрабанду: чудные иноземные яства и напитки. Время подходило обеденное, поэтому воевода, наказав сопровождавшему его денщику «сготовить чего-нибудь эдакого и на скорую руку», задремал. Денщик, недолго думая, выбрал из корзины иноземной снеди упаковку, на которой было написано: «Спагетти скорого приготовления. Просто добавь крутого кипятку», заварил её

в установленном в карете самоваре, вывалил спагетти в супницу, добавил сверху соуса заморского на основе томата, баклажана и болгарского перца и разбудил воеводу.

– Кушать подано, «вашсокбродь»! – отрапортовал денщик и открыл крышку супницы.

– Чем порадуешь старика? – вдыхая аромат «заморского блюда», облизнулся воевода и заглянул в кастрюлю. Блюдо из дымящегося спагетти, перемешанного с соусом непривычного глазу цвета, кстати, впервые увиденное воеводой так близко, да ещё и вздрагивающее вместе с каретой на каждой кочке, для неподготовленного человека представляет довольно неприглядное зрелище.

– Ах ты, дубина стоеросовая! – накинулся воевода на денщика. – Отравить меня вздумал?! – ткнул он денщика лицом в супницу. – Сам жири глистов иноземских!

Увидев, что денщик, несмотря на угрозы, только крепче стиснул зубы, воевода выхватил кастрюлю у того из рук и собрался в порыве ярости нацепить оную тому на голову, но, побоявшись испачкать служебный транспорт, прославленный воевода решительно избавился от заморской «отравы», метнув кастрюлю в окошко.

* * *

...вешать не будет! – закончил Иван хвастать, и получил сногсшибательный удар в голову кастрюлей из окна промчавшейся мимо кареты.

Иван Царевич быстро очухался и, вскочив на ноги, собрался было в погоню за обидчиком, но, увидев корчащихся в траве товарищей бросился к ним. У лежавших на земле Сероволка и Премудрого были на лицо все признаки удушения: со слезами на глазах, посиневших от натуги лиц, они по-рыбьи хватали ртом воздух, и ничегошеньки у них не выходило. Увидев подбежавшего Царевича, лица его спутников исказила почти предсмертная гримаса боли и отчаяния. Несколько долгих секунд смотрели они друг на друга, несколько томительных мгновений продолжалась эта немая сцена. И, наконец, их прорвало.

– И-их-ха! У-аа-й! Ё-о-ууу! – застонали колдун с цыганом, не в силах подняться с земли и уже более членораздельно наперебой продолжили озвучивать своё самочувствие:

– Я умир-р-раю!

– Мама, зачем ты меня родила?

– Всё, мне копец!

– Сделайте мне харакири!

– Ваня, останови, я выйду!

– А вас я попрошу остаться!

– Лапшу на уши не вешать! – в очередной раз сострил Сероволк, указав пальцем Ивану на уши, и заскулил по-щенячьи. Вторя ему, по-лошадиному продолжал «ржать» и Василевс.

Иван прикоснулся к своим ушам и только сейчас почувствовал нависшую на них тяжесть «в лице» хорошо пропаренных спагеттин.

– Идиоты! – беззлобно пробурчал Царевич, снимая тёплую лапшу с покрасневших ушных раковин и, осознав, отчего его товарищам так «поплохело», не удержался и захохотал вместе с ними. Такого финального аккорда своего «каретостопа» он даже в самом странном сне представить себе не мог.

В общем, попробовали свою неординарную силушку товарищи богатыри, показали, на что способны, чтобы другим неповадно было, и, думаете, всё на этом? Ничего подобного! Мы с вами их ещё плохо знаем. Эти ребята – я уверен – ещё покажут себя во всей своей естественной и первозданной красе! Если перефразировать одного моего знакомого шевалье (ту ещё каналью!), то с высокой долей вероятности можно сказать, что: Париж ещё узнает этих «Дартаньянов»! Тысяча чертей и ящик рома в одно горло!

Короче, как мы с вами догадались, после нескольких не совсем удачных попыток эта троица безупречных богатырей продолжила путь, как, в двух словах, говорят ратники со стажем, «пеший по-конному». И знаете, я скажу, продвинулись они в этом деле довольно далеко.

Не прошло и двух понедельников (ох уж эти сказочно-оперативные скачки через странственно-временные отрезки, в которых не произошло ничего сверхординарного), как наши герои добрались к первой на их пути границе сопредельного государства, в частности, к отечественному приграничному блок-посту.

За полусотню косых сажений к посту бравы ребяташки наткнулись на покосившийся под острым углом столб с предупреждающей надписью: «Контрольно-пропускной пункт. Предъяви в открытом виде пачпорт заграничный, ксиву служебную или шпионское удостоверение личности».

Перечитав предупреждение, отважные герои смело прошли дальше – документы у них в полном порядке, так что просочатся сквозь погранзаслон «без пыли и шума». Но не тут-то было.

– Стой, стрелять буду! – крикнул из бойницы в кирпичной кладке блокпоста страж границы и показал путникам заряженный арбалет, вот, мол, глядите подозрительные незнакомцы, я не шучу.

Богатыри остановились, ожидая, чем ещё «порадуют» их рубежи родины.

– Проезд-проход запрещён! – вновь крикнул стражник. – Поворачивайте откуда пришли! Граница в этом направлении на замке!

Да, не хотела родина прощаться со своими богатырями.

Но и богатыри были ребята несговорчивые, по крайней мере, не так быстро сговорчивые.

– Эй, братан! – крикнул Сероволк, направившись в сторону блокпоста. – Не чуди! Мы с поручением государевым в Аркфрику спешим!

В паре вершков от цыганских сапог воткнулся в землю пернатый болт, пущенный стражником из арбалета. Сероволк отпрыгнул на исходный рубеж и глухо зарычал.

– Кому велено вертаться назад! – донеслось из-за стены блокпоста. – Ещё один шаг – и следующая стрела кому-то прямо в лоб.

– Поймите нас правильно, – вступил в переговоры Василевс. – Мы действительно богатыри его царского величества, государя Владибора Ильича. Отряжены для весьма деликатного дела за рубеж, по личному указанию его величества. Нам крайне необходимо пройти на ту сторону границы. У нас и ксивы служебные, и пачпорта заграничные на руках имеются. Всё чин по чину. Можем предъявить для сверки!

Премудрый, раскрыв оговорённые выше документы, сделал шаг вперёд.

Второй болт, пущенный из бойницы, лёг ещё ближе к нему, нежели первый к цыгану.

Колдун, стараясь не делать резких движений, плавно вернулся на «линию старта».

– Последнее предупреждение! – донёсся непреклонный голос ратника. – Следующий нарушитель точно уже схлопочет болт в глаз!

Герои замерли, не решаясь идти вперёд, и, в тоже время, стесняясь вот так, без боя, ретироваться.

– Давайте сделаем вид, что отступили, – прошептал Сероволк товарищам идею, всегда подворачивающуюся ему первой на ум. – А я, короче, обойду их с тыла, прокрадусь к блокпосту, застану врасплох и перережу всем, кто там есть, глотки от уха до уха. Затем высуну их языки через дырки в горле и подвешу их за эти самые.

– Ты в своём уме, головорез! – перебил его Царевич. – Это же не супостаты какие. Это наши служивые солдатусшки. У них, видно, инструкция такая, никого не пущать за кордон, а ты своих же со спины, да бандитским ножом по горлу.

– А чегось это «свои» по «своим» из арбалетов без зазрения совести лупят?! – прошептал тоже недовольный действиями пограничника Василевс и озвучил свой план. – Вот я этого стрелка сейчас в жабу оброщу, будет знать, как в колдунов кудесных метиться.

– Не смей! – прохрипел сурово Царевич. – Вы не забывайте, что вы богатыри – защита и надежда земли горемычной, включая и всех её обитателей, а не уркаганы матёрые. Со служилым людом как с котёнком обращаться надо – и те, и те ласку любят. Я сам переговоры с ними учиню.

– Смотри, пролетарий, – скептически отнёсся к идее Ивана Сероволк. – Если воткнёт тебе «котёнок» стрелу промежду голубых зенок, потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Царевич только фыркнул вместо ответа, и, достав из-за спины горн, протрубил позывные «зари».

– Здравия желаю, товарищ начальник! – как и положено по стародавнему воинскому обычаю, поприветствовал стража Царевич, когда тот выглянул посмотреть, кому это там в трубу дудится. – Мы с тобой одной крови! – добавил Иван к сказанному интернациональный пароль на все случаи жизни и, скрестив над головой серп и молоток, давая понять тем самым, что «вышли мы все из народа», выдохнул многозначительно: – Ты и я!

Колдун и цыган прикрыли глаза, не желая смотреть, как сейчас прилетит парламентёру в лоб что-то обещанное стражником. Стражник же, по их представлениям, повёл себя не совсем честно. Вместо исполнения угрозы он выдвинул новое требование.

– Внимание! Рабоче-крестьянин ко мне, остальные на месте! – крикнул тронутый ритуалом Царевича пограничник, впрочем, продолжая зорко держать всю честную троицу на «мушке».

Иван незаметно для стража подмигнул спутникам и медленно направился к блокпосту.

– Кажи-ка документ, представитель! – потребовал страж, когда Ваня приблизился на расстояние вытянутой руки с заряженным арбалетом, упёршейся ему в лоб.

Царевич предъявил служебную бумагу, в которой было указано, что «предъявитель сей ксивы есмь богатырь вольнонаёмный, на службе ратно-особливой, для дел государственно-важных отряжённый» и приписка мелким почерком «оказывать богатырю, всяку подмогу в интересах той самой ратной-особливой службы».

Внимательно изучив гербовую печать с двуглавым медведем, бессовестно топчущим орлана, и не найдя в ксиве подвоха фальшивоподдельного, страж смягчился.

– И остальным продолжить движение, – соизволил пограничник, появившись уже полностью из дверей блокфорпоста.

Не ожидавшие такой скорой перемены в поведении стража сподвижники Царевича тоже подтянулись к служивому, присевшему около облупившейся стены на завалинку, и дружно обступили его. Пограничником оказался сухонький дядька в заплатанной кольчуге и почти новом, только слегка погнутом шлеме. Пограничник оглядел снизу вверх колоритную троицу и, как ни в чём не бывало (ну, как будто и не держал их минуту назад на прицеле) спросил:

– Чего это в нашу глухомань сразу столько богатырей нагрянуло? По делу мотаетесь, али так, ради пустопорожного интереса шатаетесь?

– У нас дело деликатное, государственной важности, – ответил Царевич, уже водворивший свои орудия труда за пояс.

– Да, уважаемый! – добавил Василевс. – А вы в нас из арбалета пуляете. Не разобравшись, кто мы и почему.

Дядька озорно прищурился и посмотрел на цыгана.

– Дак у вас на рожах, даром богатырских, не написано, что они на госслужбе ратной, а, скажу откровенно, больше на физиономии отпетых бандюков и мародёров смахивают, которые только и стараются здесь прокрасться на ту сторону, – махнул головой в сторону границы. – Вот тебя я ещё с опушки приметил, – кивнул страж Сероволку. – Думал на подступах снять, уж больно ты на одного конокрада смахиваешь, да, слава богу, не взял грех на душу.

– Скажешь тоже, снайпер, – угрюмо ответил Яков, непроизвольно сглотнув. – Где же это видано – конокрадов окаянных богатырями назначать.

– Так вот и я о том же! – хлопнул себя по колену пограничник. – Да по лицу сразу и не скажешь, кто есть кто: думаешь, вот колдун, вот жулик, а вот студент вольнодумский, – поочерёдно кивнул дядька на Василевса, Яшку и Ивана, – а на поверку оказывается, и впрямь богатыри, всамделишные былинщики.

– Так это мы специально так принарядились, – поспешил развеять последние сомнения пограничника Василевс. – Чтобы не выделяться на общем фоне.

– Это правильно, как легендарные хипплиеры! – согласно кивнул страж и хитро усмехнулся. – А может, у вас и шпионские удостоверения имеются?

– Чего нет, того нет! – развёл руками Царевич.

– Ладно уж, знаю я вас, богатырей, перевидал на своём веку, – понимающе подмигнул страж и встрепенулся. – Ох, засиделся я тут с вами. Пора на пост, а вам, ребятушки, в обратный путь поворачивать надобно.

Богатыри удивлённо уставились на стража.

– Чего смотрите, богатыри?! – распознал дядька вопрос в их глазах. – Нету здесь прохода в сопредельное королевство. Как все отважные герои, идите-ка в обход! – предложил он и, перейдя на шёпот, поделился с ними конфиденциальной информацией: – На той стороне который год буйствует летаргическая эпидемия. Одним словом – КАРАНТИН!

– Это что за напасть? – скривился чувствительный к непонятным словам цыган.

– Эта напасть массовой спячкой называется, – подсказал, некогда изучавший заразные магические хвори. Василевс. – Коли кто проклятье замедленного действия нарушит: уколется иглой непродезинфицированной, об веретено ударится головой или, к примеру, съест фрукт немытый, мало того сам в сон погрузится, ещё и всех, с кем контакт имел, за собой потянет. Бывает, подобные хворобы целые страны выкашивают.

– Истину глаголешь, богатырь! – перекрестился страж, уважительно взглянув на Премудрого. – Так и у них, за кордоном, произошло.

Порядочно лет назад у короля тамошнего, Ричмонда Цепкого, дочурка родилась, Злата-Власта. На празднике ведьмы придворные, по-ихнему феи, передрались из-за того, кто будет крёстной у девчушки. И та, которая по мозгам получила, прокляла всех их там скопом, ну и слиняла с праздника. Спустя же осмнадцать годков, аккурат на «днюхе», «хаппибёрде» по ихнему, с принцессой казус вышел. Эта фея-вредительница, хотя какая там фея, по роже, говорят, вылитая ведьма, под видом бабки из службы доставки подарков преподнесла принцессе яблоко наливное. Взяла девушка яблоко в руки и, уколовшись им, в сон погрузилась, а за ней всё королевство, включая живность домашнюю и дичь всякую, оцепенело.

– Как это она яблоком умудрилась уколоться? – удивился Иван, внимательно слушавший лекцию по зарубежной истории.

– Хоть убей, не знаю! Мож, вредительница, иголок в него понатыкала, мож ещё чего удумала, – выпалил страж. – Все свидетели и очевидцы в состоянии «нестояния». Там же – в отключке. И, слышал я от арестованных мной намерд мародёров, – шёпотом продолжил дядька информировать богатырей, – что проклятье это ещё лет сто действовать будет. У них один человек «за бугром» случайно укололся своей же булавкой и что вы думаете?

– Что??? – выдохнули богатыри.

– Всё! Тут же об землю хлобысь, и захрапел непробудным сном, – пограничник опять хлопнул себя по колену. – Так что проход туда категорически запрещён, – указал страж на заросшую травой и деревьями дорогу за шлагбаумом, – Идите в обход через другие страны. Инструкции я нарушить не могу, и не просите. Я под присягой крестик ставил! Буду стрелять на поражение!

– Нам через другое царство топать не с руки, точнее, не с ноги, – озабоченно сказал Василевс, поглядывая на одичавший от одиночества заграничный лес. – Уйма полезного времени впустую уйдёт.

– И здесь чего-то пробираться не хочется, – протянул Иван и тоже глянул за шлагбаум. – Однако этот путь куда более короткий.

– А может, всё-таки договоримся? – многозначительно подмигнул Сероволк дядке. – Мы за ценой не постоим!

– Нет, не договоримся! – бескомпромиссно замотал головой пограничник. – Я опосля себе не ни за что на свете не прощу, что за тридцать целковых на верную погибель вас пропустил.

От слов этих богатырям стало приятно, что есть ведь ещё на земле народ неподкупный, да за других искренне радеющий. Хотя приятность их совсем скоро была немного, не омрачена, нет, а, я бы сказал, поколеблена.

– Правда, есть один пункт в аннотации к проклятью, – подмигнул им страж границы. – Который прямо гласит, что «разрешено пущать в захворённое кудесной спячкой королевство исключительно принцев, князей или иных герцогов королевско-голубых кровей, для попытки вывода принцессы и всего королевства из бедственного состояния». Ибо только истинно царский поцелуй отключит колдовские чары. Вот если бы среди вас, богатыри, случайно оказался кто-либо из перечисленных лиц.

– Отчего же случайно! – моментально смекнул Сероволк. – Один из нас как минимум целый Царевич! У него и запись в заграничном пачпорте имеется!

– Иди ты?! – настала очередь выкатывать глаза пограничнику. – Ну-кась, покажь документ, кто из вас Царевич?

– Вань, покажи пачпорт дяде, – попросил цыган Царевича.

Иван, ещё до конца не понимая всей наглости аферы, затеянной Сероволком, без задней мысли предъявил свой пачпорт.

– Ёк-макаёк! – побледнел пограничник. – Целый ЦА-РЕ-ВИЧ здесь, и молчит анонимно. Прошу простить, что не признал сразу «вашсокбродь»!

– отдал он воинское приветствие Ивану, вытянувшись в струнку.

– Так мы того, инкогнито, – поддержал начинания цыгана Василевс. – Сопровождаем Царевича в его секретно-государственной миссии. Не хотели раскрываться. только вам. в порядке исключительно-служебной необходимости. Но чтобы больше никому, ни-ни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.